

СОЦИ ДИГГЕР

18+

ВЦИОМ

1989

**ПРИГЛАШЕННЫЙ
РЕДАКТОР:**

д. полит. н., заместитель директора
Института Европы РАН

Роман Лункин

ЭКСПЕРТЫ:

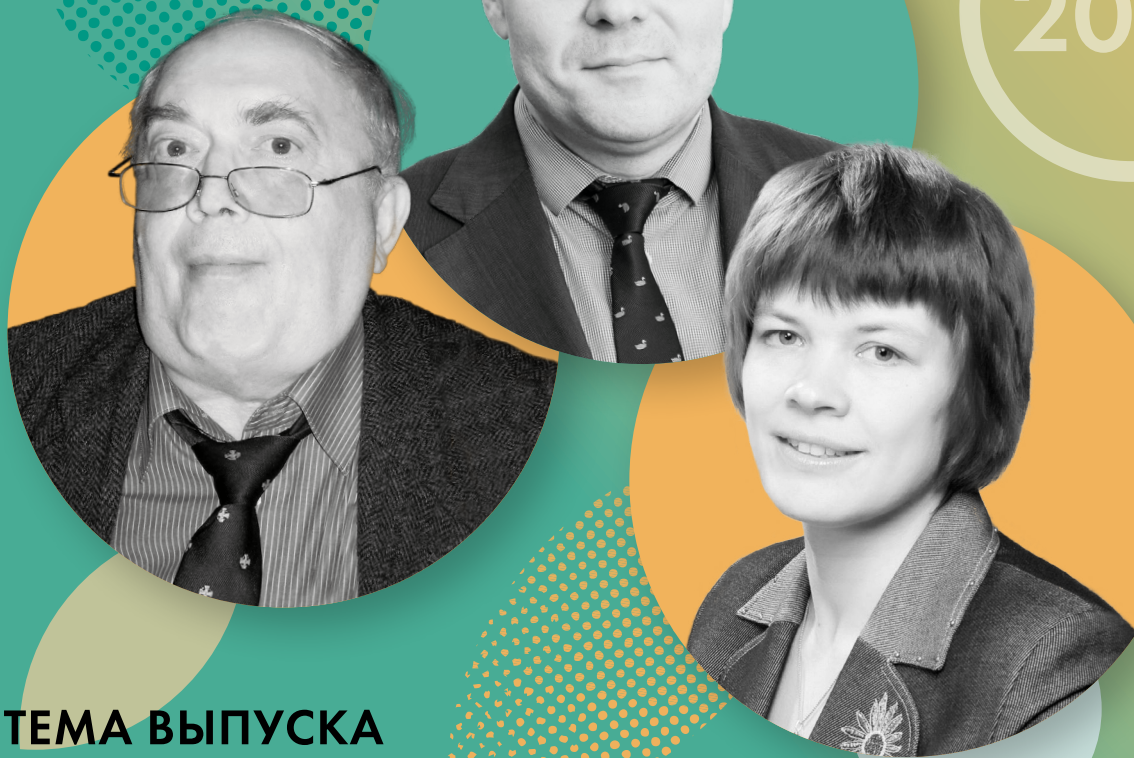
главный редактор интернет-проекта
«Черное и белое»

Анастасия Коскелло

с. н. с. Института востоковедения РАН,
руководитель проекта «Энциклопедия
современной религиозной жизни России»

Сергей Филатов

2021

ТЕМА ВЫПУСКА

РЕЛИГИОЗНЫЙ АКТИВИЗМ

ВЦИОМ
• Основан в 1987 году •

РЕЛИГИИ

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕМЫ

ПРАВОСЛАВНАЯ ОБЩИНА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
30 ЛЕТ РПЦ ПОСЛЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
ОСТРОВ, ГДЕ ВСЁ У НАС ЕСТЬ – ОБ ИДЕЙНЫХ ТЕЧЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ РПЦ
О КРИЗИСЕ ПОДДПОРОК ДЛЯ ВЕРЫ, О КРИЗИСЕ ЦЕРКВИ
ТРИ ОШИБКИ В РАЗГОВОРЕ ОБ "АНТИРЕЛИГИОЗНОМ АКЦИОНИЗМЕ"

ПРОБУДИТ ЛИ ВЕРА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ?

ПРАВОСЛАВИЕ В ЗЕРКАЛЕ СМИ
РЕЛИГИЯ, ВЕРУЮЩИЕ, ПРАВОСЛАВИЕ В ЗЕРКАЛЕ СМИ
ЦЕРКОВЬ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ
ЦЕРКОВЬ В ПОЛИТИКЕ И В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
РОЛЬ РЕЛИГИИ «ЦЕРКОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»
ВЗАИМОСВЯЗЬ ИСЛАМА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ
СЕМЬ ПРОБЛЕМ

СОЦИАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ В УЧИТЕЛЬСТВЕ
ПАПЫ РИМСКОГО ФРАНЦИСКА

АЛТЕРНАТИВНЫЙ МЕДИА ДИСКУРС ОБ РПЦ:
ПРАВОСЛАВНЫЕ ТЕЛЕГРАМЕРЫ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово 4

 Лункин Р. Н.
Гражданское общество и религиозный
активизм: пробудит ли вера
политическую жизнь?..... 6

 Коскелло А. С.
«Остров, где все у нас есть» (об идейных
течениях в современной РПЦ)22

 Филатов С. Б.
30 лет РПЦ после советской власти.....30

Экспертные комментарии

Мельников А. Л.
Религия, верующие, православие
в зеркале СМИ53

Чапнин С. В.
Православная община
в современной России.....59

Белановский Ю. С.
О кризисе подпорок для веры,
о кризисе церкви (заметки).....65

Виноградов М. Ю.
О взаимных интересах
власти и общества70

Иванова О. В.
Церковь в общественно-политической
сфере (на примере Екатеринбурга
и Свердловской области)72

Епископ Николай Дубинин
Социальное мышление
Католической Церкви
в современных условиях в учительстве
Папы Римского Франциска.....74

 Макашкин А. В.
Семь проблем
«церковного возрождения».....35

 Островская Е. А.
Альтернативный медиадискурс об РПЦ:
православные телеграмеры.....40

 Михайлов К. Н.
Три ошибки в разговоре
об «антирелигиозном акционизме»46

Мухетдинов Д. В.
Взаимосвязь ислама
и политической сферы.....81

Гуревич А. Ю.
Роль религии в политике
и в гражданском обществе.....86

Севастьянов Л. М.
Старообрядчество
как феномен свободы.....88

Вера и дело:
этика православного предпринимателя
(интервью С. О. Балакиревой
с В. К. Жуковичем)90

Михайлова Е. А.
Религия
на социальном балансире95

**ПОДБОРКА ДАННЫХ ВЦИОМ
«Религиозный активизм»**

СКАЧАТЬ

**САЙТ СОЦИОДИГГЕРА.
ВСЕ ВЫПУСКИ**

SOCIODIGGER.RU

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Религиозная тематика всегда вызывает острые дискуссии и накал страстей, вот и мы сделали выпуск СоциоДиггера, собрав эмоциональные и пристрастные тексты, дав площадку для авторских позиций, не прячущихся за аналитичностью, а напротив, ясных и четко выраженных. Такая острота и напряженность дискуссий на страницах СД сопровождают выбранную тему выпуска «Религиозный активизм».

Приглашенный редактор, Роман Лункин, помог собрать взгляды на данный феномен с самых разных «колоколен»: исследователей религий и религиозных отношений, экспертов-практиков от разных конфессиональных сегментов; социологов, культурологов, политиков, предпринимателей, журналистов, гражданских активистов. В выпуске представлен анализ роли религии в политике, экономике, культуре, медиапространстве. Герои материалов — Церковь, паства, общество и государство; православные, католики, мусульмане, иудеи, староверы.

Убедительно просим с пониманием отнестись к ~~еретикам и грешникам~~ авторам выпуска, не оскорбляясь в своих лучших чувствах 😊

Как обычно, номер сопровождается обширной подборкой опросных данных ВЦИОМ, где вы найдете результаты многолетних исследований, длинные ряды и совсем свежие данные, а также данные других исследовательских центров.

Приятного и полезного чтения,

Наталья Седова,
проектный редактор СоциоДиггера

P.S. Если вы готовы поделиться экспертизой и стать автором СоциоДиггера, пишите на nnsedova@wciom.com или kuleshova@wciom.com. С нас — данные!

Аронов А. Сумерки

**ЛУНКИН
РОМАН НИКОЛАЕВИЧ**

доктор политических наук,
заместитель директора Института Европы РАН

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЙ АКТИВИЗМ: ПРОБУДИТ ЛИ ВЕРА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ?

Религиозно мотивированная публичная активность ассоциируется в России, прежде всего, с представителями Русской православной церкви (РПЦ). Между тем сама РПЦ остается для большей части общества загадкой. Церковь не только не связана в сознании граждан с общественно-политической деятельностью, но и не должна, по мнению большинства, иметь к ней никакого отношения¹. Присутствие православных в публичной сфере становилось заметным только тогда, когда они занимали какие-либо радикальные «фрикковые» консервативные позиции (борьба с фильмами, театральными постановками, с ИНН и штрих-кодами, с «мировой закулисой», якобы устроившей пандемию). В остальном церковная и светская жизнь не пересекались никак, ведь еще в 1990-е годы сложилось противоречие между почти тотальным идеологическим превосходством православия, связанного с государственным патриотизмом, и его слабым социально-политическим влиянием на российское общество. В итоге граждане, заявлявшие в опросах о сакральной роли православия, не хотели видеть церковь в политике² и, более того, не желали исполнять никаких религиозных предписаний³.

¹ См. Аналитический обзор ВЦИОМ «Крестным ходом — в политику?» от 30.11.2012. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krestnym-khodom-v-politiku>.

² См. Аналитический обзор ВЦИОМ «Церковь и общество: вместе или порознь?» от 24.06.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cerkov-i-obshchestvo-vmeste-ili-porozn>.

³ См. Аналитический обзор ВЦИОМ «Великий пост — 2021» от 15.03.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021>.

Таблица 1. Вы лично скорее одобряете или скорее не одобряете использование религиозных идей, терминов, символов в...?

(закрытый вопрос, один ответ, июль—август 2021, %)⁴

	Всего	Православия	Ислама	Католицизма	Протестантизма	Иудаизма	Буддизма	Являюсь верующим, но какой-либо конкретной конфессии не принадлежу	Неверующим	Колемлюсь между верой и неверием	Затрудняюсь ответить
В деятельности политиков, партий, политических движений											
Скорее одобряю	10	12	17	0	17	0	9	6	5	4	11
Скорее не одобряю	59	57	53	29	57	100	52	65	69	60	58
Отношусь безразлично	26	26	25	71	23	0	30	22	24	34	25
Затрудняюсь ответить	5	5	5	0	3	0	9	6	2	3	7

Таблица 2. Как, на Ваш взгляд, должны строиться отношения между церковью и обществом, государством?

(закрытый вопрос, один ответ, %)⁵

	2009	2012	2013	2015
Церкви следует заниматься проблемами веры и религии, не вмешиваясь в жизнь общества и государства	27	31	30	32
Церковь должна влиять на моральную, духовную жизнь всего общества, но не вмешиваться в политику и государственные дела	43	44	50	47
Церковь должна активно участвовать в обсуждении и решении проблем современного общества и государства	16	17	15	14
Затрудняюсь ответить	14	7	5	7

⁴ Данные общероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ-Спутник», методика опубликована здесь: <https://ok.wciom.ru/research/vciom-sputnik>.

⁵ Источник: Аналитический обзор ВЦИОМ «Церковь и общество: вместе или порознь?» от 24.06.20215. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/czerkov-i-obshhestvo-vmeste-ili-porozn>.

Таблица 3. Вы обычно соблюдаете православные посты или нет?(закрытый вопрос, один ответ, % от заявивших о себе как о последователях православия)⁶

	2018	III.2019	XI.2019	I.2020	I.2020	III.2021
Не соблюдаю	71	75	69	71	75	71
Соблюдаю только Великий православный пост, остальные — нет	13	14	15	12	11	11
Соблюдаю большинство постов, но не все	12	9	14	14	12	16
Строго соблюдаю все посты	3	2	2	2	2	2
Отказ от ответа	1	0	0	1	0	0

Для страны и для национальной церкви, какой является РПЦ, такое положение дел явно ненормальное. К концу 2010-х годов с развитием гражданского общества и преодолением политического застоя эта ситуация начала медленно меняться: Церковь и православные активисты включились в общеполитическую повестку со своими религиозными интересами, а не только в качестве символа государственной идеологии. Попробуем разобраться, что происходит — удастся ли религиозным активистам выйти из советского, а затем и постсоветского гетто 1990-х, когда церковь как христианский институт стала заложником своей «государствообразующей роли хранительницы традиций».

Государственно-церковные отношения прошли несколько этапов в постсоветской России.

Первый этап, с 1990 по 1997 год, характеризуется абсолютной свободой и тем, что социологи называют не возрождением (большой вопрос — кто, что и как возродил?), а религиозным бумом. Именно в 1990 году при М. С. Горбачеве был принят новый Закон о религии, который отменил все ограничения советского времени. Гражданская энергия верующих, боровшихся с дискриминацией или репрессиями в советский период, после распада СССР была преобразована как в миссионерскую деятельность, так и в создание целого ряда православных движений консервативного толка, попытку создания христианской демократии в России протестантами и православными совместно, в присутствии ярких фигур в правозащитном движении, таких как священник Глеб Якунин.

⁶ Источник: Аналитический обзор ВЦИОМ «Великий пост—2021» от 15.03.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021>.

Второй этап, с 1997 по 2009 год, когда Закон о свободе совести 1997 года создал рамочную идеологию четырех исторических религий (православия, ислама, иудаизма, буддизма), или «традиционных религий» (этого понятия нет в законе, оно было взято чиновниками из риторики РПЦ). В это время представителям РПЦ не удалось добиться существенного ограничения деятельности других конфессий (прежде всего протестантов, а также новых религий), православие не получило и особого статуса в законодательстве (в начале 2000-х годов такие проекты выдвигал депутат Госдумы А. Чуев).

Третий этап, с 2009 по 2014 год, — это время социального партнерства религиозных объединений и власти, о чем объявил президент Д. А. Медведев в 2009 году. Он озвучил программу введения основ религий в школах, института военного духовенства, теологии в вузах. В 2010 году был принят Закон о передаче имущества религиозного назначения религиозным организациям, который касается в основном РПЦ. С тех пор именно эти направления сотрудничества власти и Церкви определяли медийное присутствие православия: то возникали скандалы, показывающие «церковников» в негативном свете, то начиналось восхваление успехов православных по сохранению памятников культуры и преподаванию в школах. Впервые критика политики РПЦ стала идти изнутри самой Церкви. Постепенно разрушался монолитный образ государственнической церкви, которая только хранит традиции, сложившийся при патриархе Алексии II. После всплеска начала и середины 1990-х годов религиозно-политическая жизнь надолго перешла на уровень взаимоотношений патриарха и президента, губернатора и епископа. Отдельные совместные федеральные проекты власти и РПЦ были успешны, как объединение Московского патриархата и Зарубежной церкви в 2007 году. Прямая поддержка губернаторов или партий со стороны епископата в регионах (периодически появлявшихся на плакатах с кандидатами от партии власти) практически никогда не помогала, а лишь раздражала избирателей.

Наконец **четвертый этап**, с 2014 г. по настоящее время, — рубежный для страны и для отношений Церкви и власти. Политика «социального партнерства» при Д. Медведеве показала ограниченность потенциала РПЦ: 20—30 % родителей, скорее, авансом выбрали для своих детей для изучения в школах основы православия, институт военного духовенства так и не заработал, теология как дисциплина развивается медленно, часто в конфликте со светскими науками, передача РПЦ имущества обернулась конфликтами и тяжбами с музеями, библиотеками и властями. Безусловно, были и позитивные примеры, но прежний монолитный сакральный образ патриархии в массмедиа был разрушен. 2014 год стал зримым подтверждением наметившегося отстранения власти от РПЦ, кото-

рой была оставлена лишь символическая функция. Сама патриархия, соблюдая свои интересы на Украине, устранилась от прямой поддержки Донбасса и «крымской эйфории» (РПЦ официально никак не проявила свою позицию по поводу присоединения Крыма).

Этот же период связан со стремлением государства выстроить более четкую систему контроля религиозной жизни. В 2016 году был принят так называемый закон Яровой, из которого в полной мере вступили в силу только положения о регулировании миссионерской деятельности. Введена фактически обязательная регистрация общин, молельных домов, сертифицирована миссионерская деятельность, за миссию без документов или за отсутствие вывески на храме полагается штраф. В 2021 году также введено лицензирование религиозных деятелей, миссионеров, преподавателей, которые получили лишь зарубежное образование, но хотят работать в России (предполагается, что переподготовку служители будут проходить в российских духовных вузах, у которых есть лицензия, или на повсеместно создаваемых кафедрах теологии). Эти законы коснулись в первую очередь протестантов и мусульман, поставили РПЦ де факто в привилегированное положение, заставили многих православных задуматься об их отношении к свободе совести внутри России.

Политический старт

Современный этап политической жизни РПЦ, да и других религий и конфессий, начался с общественной мобилизации 2011—2012 годов. С одной стороны, для либеральной части общества, вышедшей на демонстрации против власти в тот период, Церковь, связанная с государством, стала вредной помехой, которую стоило каким-то образом устранить, не отказываясь при этом от православия. Извращенным воплощением этого стремления стал танец Pussy Riot в Храме Христа Спасителя в феврале 2012 года с частушками, в которых были упомянуты распространенные стереотипы о богатстве РПЦ и ее связи с властью. Участники акции и другие художники-акционисты часто обосновывали свои «перформансы», намеренно сделанные так, чтобы оскорбить и затронуть часть верующих, исключительно цитатами из Евангелия.

С другой стороны, и немногочисленная церковная общественность была к этому времени готова включиться в политическую борьбу. Появились первые священники-белоленточники, наблюдатели на выборах, возник либеральный портал «Православие и мир», освещавший митинги, а затем постоянно уделявший внимание акциям в защиту А. Навального (в 2021 году — уже в поддержку заключенного). Как с «русским националистом» тогда с Навальным вел переговоры

глава Отдела по взаимоотношениям Церкви и общества (до 2015 года) прот. Всеволод Чаплин (умер в 2020 г.).

С консервативных позиций интересы Церкви стало защищать движение «Сорок сороков», возникшее тогда же (в 2012 году) для отстаивания земельных участков для храмов и борьбы за запрет аборт, семейных инициатив главы РПЦ (в 2012 году патриарх Кирилл впервые выступил в Госдуме и предложил программу защиты семейных ценностей, которая не реализована до сих пор). 2012 год показал политическому сообществу, что РПЦ не едина и что нельзя отождествлять церковную верхушку с православной общественностью и даже с различными кругами духовенства. Единственный стереотип, который не был сломан, — это связь развития РПЦ (которую критики обычно оценивают как косную, архаичную структуру)⁷ только с высказываниями (или их отсутствием) начальства, хотя Церковь стала намного более плюралистичной, чем была ранее.

Динамизм православию в 2010-е годы придали несколько факторов. Во-первых, это естественное развитие общинной и околоприходской деятельности, включение РПЦ в социальную работу по всей стране (ранее, до середины 2000-х, наиболее успешны в этой сфере были протестанты), появление добровольческих групп и движений практически в каждом регионе страны. Волонтерство стало осознанной необходимостью, эта тема впервые начала широко обсуждаться в большинстве епархий. Востребованность добровольцев тесно связана с появлением все большего количества приходов, где среднее и молодое поколение желает воплотить на практике свою христианскую энергию. И наоборот, само наличие социального служения требовало все большего количества активных общин, что столкнулось как с желанием епископов использовать этот потенциал, так и со стремлением похоронить эти проекты в бюрократическом болоте.

Во-вторых, это реформы патриарха Кирилла, в результате которых была изменена и частично уничтожена клановая структура патриархии и связей внутри ее иерархии (теперь принято говорить о двух новых партиях — патриарха Кирилла и митрополита Псковского Тихона (Шевкунова), неформальным символом «шевкуновцев» в социальных сетях стали кошки, известно, что патриарх — «собачник»). Резко увеличилось количество епархий и епископов (в три раза по сравнению с 2009 годом, примерно со 100 до 300) и священников, а также приходов (в два раза, с 8—9 тыс. до 18 тыс.). Новые епископы, конечно,

⁷ См.: «Церковь. Критика»: Владимир Познер и протоиерей Александр Абрамов // Познер Online. 23.02.2021. URL: <https://pozneronline.ru/2021/02/31751>; Кто против нас? Дмитрий Быков: у Церкви, для которой диалог с обществом сводится к официальным пастырским поездкам, одергиваниям и угрозам, нет будущего // Credo Press. 09.11.2011. URL: <https://credo.press/125587/>.

оказались зависимы как от волюнтаристских решений высшего начальства, так и от успешной отчетной деятельности своей епархии. Несмотря на усиление административного давления и некоторую централизацию, формализацию церковной жизни, появился широкий слой духовенства, а вокруг него и активных мирян, готовых стать социальной базой того или иного движения, либерального, консервативного или просто социально-волонтерского, культурного. Превращаясь в институт гражданского общества, приход, община перестали быть маргинальным явлением. Если в конце 1990-х — начале 2000-х годов многие епископы боялись сильных приходов, разгоняли их, то теперь внутри РПЦ осознали их ценность. Достижением было уже то, что устройство общинной жизни, функций прихода стало предметом обсуждения.

В-третьих, произошло изменение медийного образа РПЦ. Церковь стала неизбежно более публичной, открытой в информационном плане, с большим плюрализмом мнений, даже если это вызывало раздражение церковного руководства. Православие и представители РПЦ в какой-то мере стали частью поп-культуры, что естественно для национальной Церкви в секулярном обществе. Это проявилось и в карикатурах на патриарха Кирилла, и в пародии на прот. Всеволода Чаплина в программе «Большая разница», и в желании блогеров и акционистов затронуть «чувства верующих». Плюрализм был выражен и в политических выступлениях духовенства и мирян, и в медийном обсуждении событий, которые ранее никто не замечал. К примеру, с приходом патриарха Кирилла стала освещаться работа церковного суда, лишение сана отдельных «старцев» (к примеру, ковид-диссидента Сергея Романова), порочных епископов, бесконечный сериал суда над протодьяконом Андреем Кураевым за его критику патриархии. Пандемия коронавируса также оживила образ Церкви — показала внутреннюю борьбу диссидентов с теми, кто боялся сказать даже слово в защиту богослужения и интересов духовенства, сняла «священную завесу» с православного культа, показав его опциональность и относительность, но и заставила приходы более энергично вести миссию в соцсетях и онлайн.

Количество нормативных православных, постоянных прихожан, исполняющих религиозные предписания, все это значительно не увеличило. Однако в общественных дискуссиях стало больше людей, равнодушных к религии, и в частности к православию. В публичном пространстве появились мусульманские и протестантские деятели (особенно активны исламский деятель Дамир Мухетдинов, баптистский пастор Юрий Сипко и др.), старообрядцы, католики (стоит отметить назначение в 2021 г. первого русского епископа Николая Дубинина), представители иудаизма и буддизма.

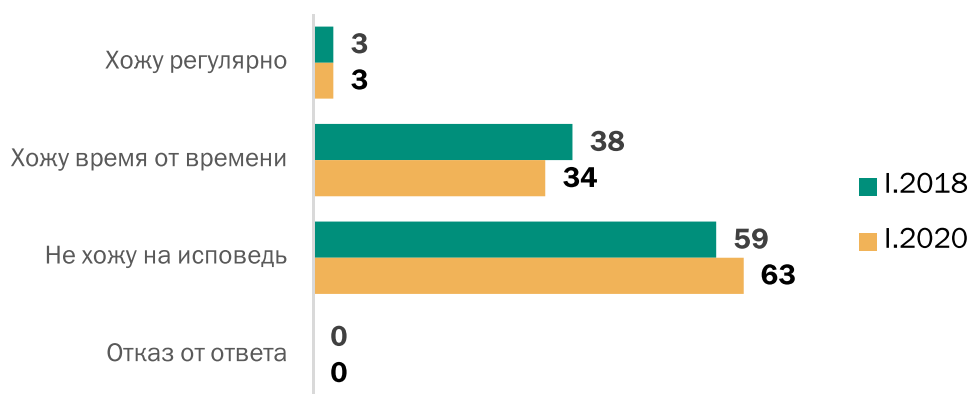
Таблица 4. Последователем какого мировоззрения или религии Вы себя считаете?

(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)⁸

	2005	2008	2009	2010	2017	2018	2019	2020	2021
Православия	72	73	70	75	75	72	70	68	66
Ислама	7	6	7	5	6	6	5	5	6
Католицизма	1	>1	>1	1	0	1	0	0	0
Иудаизма	—	>1	>1	>1	0	0	0	0	0
Буддизма	>1	>1	1	1	0	1	1	0	1
Протестантизма (пятидесятничества, адвентизма, лютеранства, союза евангельских христиан-баптистов и другое)	>1	>1	>1	>1	1	0	1	0	1
Являюсь верующим, но какой-либо конкретной конфессии не принадлежу	—	3	5	3	4	3	3	3	4
Неверующим	13	11	9	8	7	8	12	12	14
Колеблюсь между верой и неверием	4	5	5	5	5	6	6	5	6
Другое	1	—	>1	>1	—	—	2	5	2
Затрудняюсь ответить	1	2	2	1	2	2	0	2	1

Рисунок 1. Вы ходите на исповедь в церковь или нет?

(закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто считает себя православным и ходит в церковь)⁹

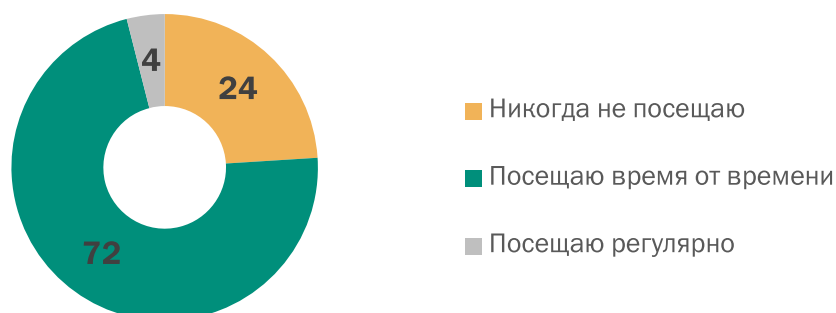

⁸ Источник: за 2017–2021 годы — Аналитический обзор ВЦИОМ «Великий пост — 2021» от 15.03.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021>; за 2005–2010 годы — Аналитический обзор ВЦИОМ «Верим ли мы в Бога» от 20.03.2010. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/verim-li-my-v-boga>.

⁹ Опубликовано на сайте ВЦИОМ (фрагмент из архива «Спутник», свободный поиск).

Рисунок 2. Посещаете ли Вы церковные службы или нет?

(закрытый вопрос, один ответ, % по ответам последователей православия, январь 2018)¹⁰

Портрет религиозных активистов можно представить на основании исследований ВЦИОМ. В опросе, проведенном летом 2021 г. (1600 респондентов), был задан вопрос о том, одобряют или не одобряют респонденты использование религиозных идей, терминов, символов в а) бизнесе, например, в рекламе товаров и услуг, создании имиджа компании, б) в деятельности политиков, партий, политических движений, в) в деятельности неполитических общественных организаций, в том числе волонтерских и благотворительных.

Таблица 5. Вы лично скорее одобряете или скорее не одобряете использование религиозных идей, терминов, символов в...?

(закрытый вопрос, один ответ, июль—август 2021)¹¹

	Всего	Православия	Ислама	Католицизма	Протестантизма	Иудаизма	Буддизма	Являюсь верующим, но какой-либо конкретной конфессии не принадлежу	Неверующим	Колемлюсь между верой и неверием	Затрудняюсь ответить
В бизнесе, например, в рекламе товаров и услуг, создании имиджа компании											
Скорее одобряю	8	9	23	14	14	0	17	6	3	5	8
Скорее не одобряю	66	67	56	29	69	100	44	71	68	61	64
Отношусь безразлично	24	22	19	57	14	0	39	21	28	33	21
Затрудняюсь ответить	2	2	3	0	3	0	0	2	1	0	8

¹⁰ Источник: Аналитический обзор ВЦИОМ «Праздник Крещения: кто купаться в прорубь?» от 19.01.2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prazdnik-kreshheniya-cto-kupatsya-v-prorub>.

¹¹ Данные общероссийского телефонного опроса ВЦИОМ-Спутник, методика опубликована здесь: <https://ok.wciom.ru/research/wciom-sputnik>.

	Всего	Православия	Ислама	Католицизма	Протестантизма	Иудаизма	Буддизма	Являюсь верующим, но какой-либо конкретной конфессии не принадлежу	Неверующим	Колемлюсь между верой и неверием	Затрудняюсь ответить
В деятельности политиков, партий, политических движений											
Скорее одобряю	10	12	17	0	17	0	9	6	5	4	11
Скорее не одобряю	59	57	53	29	57	100	52	65	69	60	58
Отношусь безразлично	26	26	25	71	23	0	30	22	24	34	25
Затрудняюсь ответить	5	5	5	0	3	0	9	6	2	3	7
В деятельности неполитических общественных организаций, в том числе волонтерских и благотворительных											
Скорее одобряю	41	45	50	14	40	0	52	34	25	35	35
Скорее не одобряю	32	31	27	14	26	50	26	33	42	26	33
Отношусь безразлично	24	20	19	71	26	50	22	31	31	35	22
Затрудняюсь ответить	4	5	4	0	9	0	0	2	2	3	11

Портрет религиозного активиста-политика¹²

Одобрят присутствие религии в политике только 10% опрошенных (60% против, 26% это безразлично). Их назовем активистами-«политиками» — они же больше всего одобряют и присутствие религии в бизнесе (56%) и в социальной активности (21%).

«Политики» в значительной степени представлены в следующих группах: возраст 18–25 лет (10%), люди с неполным средним образованием (18%), очень хорошее материальное положение (14%), неработающие пенсионеры (13%), занятые домохозяйством (12%), неквалифицированные рабочие (15%), военнослужащие в армии, сотрудники органов внутренних дел, включая полицию и ФСБ (27%), те, кто мало пользуется интернетом (18%), но при этом является активным телезрителем (19%), живет в малых населенных пунктах до 100–500 тыс. (10–11%) и на селе (13%).

¹² Определение «активист» в данном случае употребляется для того, чтобы отметить респондентов, которые активно и конкретно высказали свою позицию, а значит, в какой-то степени могут быть готовы и к соответствующей активности.

В региональном разрезе активность «политиков» очень высока в Северо-Кавказском федеральном округе (19%), а также в Уральском (14%), наименьшая — в Сибирском и Центральном.

Конфессиональный портрет «политика» выглядит так: 11% православных, 20% мусульман, 6% протестантов, по 4% среди неверующих и колеблющихся между верой и неверием. Иудаисты и католики, скорее, против. При этом буддисты наиболее безразличны к политике (56%).

Портрет религиозного активиста-общественника

Одобрение присутствия религии в жизни общества 39% опрошенных (33% против, для 24% это безразлично). «Социалисты» практически равномерно представлены во всех возрастных группах, а также в группах по профессии и материальному положению (на уровне 30–40%). Выделяются социалисты среди неработающих учащихся студентов (49%) и военнослужащих в армии, сотрудников органов внутренних дел, включая полицию и ФСБ (55%), среди людей, которые пользуются интернетом несколько раз в неделю, в месяц (50%), активных телезрителей (44%), сельских жителей (47%).

Социалистов больше всего в Северо-Кавказском (48%), Приволжском (45%), Уральском (48%) и Дальневосточном (51%) федеральных округах.

Рейтинг религиозной принадлежности снова возглавляют мусульмане (49%), затем идут православные (44%), протестанты (43%), буддисты (40%). Иудаисты и католики, скорее, не определились. Верующие без конфессии и колеблющиеся вполне готовы быть общественно активными под религиозными лозунгами (40% и 34%).

Портрет религиозного активиста-бизнесмена

Присутствие религии в бизнесе одобряют только 8% опрошенных (66% против, для 24% это безразлично).

Среди «бизнесменов» выделяются люди с неполным средним образованием, учащиеся, жители Северо-Кавказского федерального округа (20%), активные телезрители. Мусульман, одобряющих использование религии в бизнесе, — 24%, среди православных — 8%, среди протестантов, верующих без конфессии, колеблющихся — 7%. Интересная деталь: «бизнесменов» много среди тех, кто одобряет присутствие религии в политике, и среди тех, кто не одобряет использование религии в общественной деятельности.

Следует отметить достаточно большой процент неопределившихся людей, которым, по крайней мере пока, роль религии безразлична. Это хорошо видно,

если суммировать всех одобряющих роль религии в трех предложенных сферах (таких получается 4,1 %, не одобряют — 28,4 %, не определились или безразличны — 67,5 %). Процент приветствующих религию в политике, бизнесе, соцактивности немного выше среди группы 18—24 лет (6,7 %), учащихся, людей с хорошим достатком (7,8 %), активных телезрителей, жителей села (6,5 %), а также Северо-Кавказского и Северо-Западного федеральных округов. По-прежнему выделяются мусульмане (17,3 %) и православные с протестантами (4,1 и 4,8 %). Примечательно, что среди не одобряющих присутствие религии в разных сферах выше доля именно тех, кто сам может стать мишенью религиозных лозунгов и символов, — госслужащих, военнослужащих, работников некоммерческого сектора, бизнесменов (от 36 % среди предпринимателей до 44 % среди госслужащих).

При анализе данных о верующих и просто одобряющих использование религии, ее присутствие вокруг себя возникает вопрос: насколько значим процент этих людей в рамках общества, а их специфическая активность — среди гражданской активности в целом? На фоне слабого развития гражданских институтов религиозная активность была всегда достаточно заметна и в советский, и в постсоветский период, хотя во времена СССР это были иногда сотни людей, а в масштабах страны — максимум десятки тысяч. Подтверждает этот вывод и опрос ВЦИОМ августа 2021 г. «Социальная и политическая активность россиян: мониторинг»¹³. В деятельности общественных организаций, профсоюзов, в митингах и пикетах участвовало, судя по опросу, столько, сколько в жизни религиозной общины, — 3—4 % (в деятельности партий даже меньше — 2 %). 10 % опрошенных объясняют отсутствие активности тем, что нет общественных организаций и партий, которым можно было бы доверять.

Потенциальные проводники религиозных идей в российском обществе по-прежнему присутствуют, и 10 % тех, кто готов политизировать религию и легитимизировать политику религией, — это немало. Данные опроса также подтверждают высокий уровень политизации исламского сообщества, готовности защищать свои права и интересы, в том числе под мусульманскими лозунгами и во имя ислама.

В массовых опросах данные о религиозной принадлежности россиян фактически не меняются уже на протяжении двух последних десятилетий (табл. 4).

Среди находок опроса 2021 г. о религиозной принадлежности можно выделить следующие социальные характеристики представителей разных конфессий и религий. В отношении **православных** в целом пока подтверждается долгие

¹³ См.: Аналитический обзор ВЦИОМ «Социальная и политическая активность россиян: мониторинг» от 02.08.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring>.

годы не меняющаяся база РПЦ — больше женщин, людей старше 45 лет, среднего и малого достатка, неработающих, в том числе пенсионеров, большинство военнослужащих, госслужащих и работников некоммерческого сектора, активных телезрителей. Их больше всего в ЦФО, СЗФО, ЮФО.

Среди **мусульман** больше всего людей 24—35 лет с неполным средним образованием, временно неработающих, но и квалифицированных рабочих с хорошим достатком, жителей села и работников некоммерческого сектора. 53 % мусульман в рамках опроса из СКФО, 6 % из ЮФО, 9 % из ПФО.

Католики в пределах погрешности — более 1 % — появились в группах служащих, неработающих, пенсионеров, больше всего в УрФО и СФО.

Протестанты «отметились» как группа среднего возраста, неквалифицированные рабочие с хорошим достатком, которые почти не пользуются интернетом. Представлены на уровне 2—3 % в СЗФО, УрФО и ДФО.

Буддизм представлен в опросе молодежью, это учащиеся, студенты, люди с хорошим достатком, проживающие в Москве, Санкт-Петербурге, крупных городах, в ЦФО, ПФО и ДФО.

Верующих без конфессии больше всего среди людей средних лет, верхнего возраста молодежи 24—35 лет, с неполным высшим образованием, неработающих, живущих в малых городах, а также в УрФО, СФО и ДФО (7 %, 8 % и 8 % соответственно). Неверующих предсказуемо большой процент среди молодежи (37 %), студентов, неквалифицированных рабочих, служащих с высшим образованием, бизнесменов, живущих в Москве и Санкт-Петербурге (25 %), а также в УрФО, СФО и ДФО. Стоит подчеркнуть, что колеблющихся между верой и неверием достаточно много также среди молодежи (41 %), самой ищущей и мировоззренчески не определившейся группы населения.

Формальное представление о религиозной жизни дает список зарегистрированных Минюстом РФ организаций. С его помощью можно увидеть лишь некоторое многообразие конфессий и религий в России, хотя еще в начале 2000-х годов он был намного более пестрым и включал в себя все духовные сообщества и новые религии (в настоящее время это в основном «традиционные религии» с небольшими исключениями). Как часто бывает, отсутствие регистрации не означает, что общины исчезли, многие существуют подпольно. На 28 августа 2021 г. две трети списка Минюста РФ (данные Информпортала НКО Минюста РФ) составляют православные объединения — 19 800 из 31 799 (также 278 — старообрядцы). Взрывной рост регистрации структур РПЦ повысил и количество формально действующих приходов. По субъективным данным полевых исследований, в епархиях не более 10 % приходов имеют хоть какую-то внецерковную активность. Если

умножить количество объединений на среднее число прихожан одной большой общины — 300 человек, то получится около 6 млн номинальных верующих РПЦ. У Армянской апостольской церкви 105 объединений, 244 — у католиков. Число общин мусульман и протестантов в списках Минюста РФ занижено, как минимум, в два раза. Исламские группы часто действуют без регистрации за пределами мусульманских регионов страны, а протестанты хорошо себя чувствуют в рамках «домашних групп», прячась от «закона Яровой». Всего мусульманских объединений зарегистрировано 5384. Протестанты распадаются на целый ряд конфессий: 1953 — пятидесятники, 863 — баптисты, 540 — адвентисты, 516 — евангельские христиане, 209 — лютеране, 186 — пресвитериане, 81 — методисты, 8 — реформаты, 15 — мессианские общины, 40 — новоапостольская церковь, 24 — церкви Полного Евангелия, 23 — единственники (отрицающие св. Троицу). К иудаизму относятся 233 общины, 6 — к караимам, 290 — к буддизму, 50 — к мормонам, 43 — к шаманистским организациям, 21 — к Марийской традиционной религии (национальное язычество), 75 — к Обществу Сознания Кришны, 16 — к вере Бахаи, 2 — к зороастризму и др. Всего действует 33 братства (2 баптистских, 1 католическое, остальные — РПЦ), 21 сестричество, 10 исламских университетов, 62 медресе, 7 академий (5 православных, 1 католическая, 1 протестантская), 54 семинарии (протестантские, православные, католические), 6 училищ (православные и старообрядческие).

Постсекулярная перспектива

Россия приближается к среднеевропейскому уровню секуляризации сознания и уровня религиозной практики. Хорошо это или плохо, но помогают этому последствия советской политики атеизации и ограниченная социальная роль самих религиозных организаций. Наряду с этим общемировой тренд — постсекуляризм, то есть смена вытеснения религии из публичного пространства на ее признание. В ближайшее десятилетие усилится роль религиозных активистов при постепенном, но не обвальном сокращении числа православных и снижении рейтинга РПЦ в массовых опросах. Если опираться на Европейское социальное исследование, то Россия по сравнению с другими европейскими странами не «дотягивает» по уровню практической религиозности. К примеру, каждый день в Европе молятся в среднем 18,3 % жителей, а в России — 10,7 % (наивысший процент — более 20 % в Испании, Италии, Швейцарии, Польше, Португалии, ESS-2016¹⁴). Однако Россия, скорее, достигнет в ближайшем будущем 15 % молящихся каждый день, как в Германии, где больше людей честно признается, что не посещает богослужения вообще (43 % по сравнению с 29 % в России, ESS-2016). Уровень же

¹⁴ Данные международного проекта (European Social Survey, ESS) публикуются здесь: <http://www.ess-ru.ru/>.

культурной идентификации граждан с религиозной традицией в России, вероятно, останется столь же высоким, как в Центральной и Восточной Европе (на уровне 40—50%), и будет отличаться от стран Западной Европы (идейное различие этих частей Европы показывают опросы Pew Research Center¹⁵).

Росту числа религиозных активистов способствуют, по крайней мере, два фактора. Во-первых, в обществе есть устойчивая группа людей (примерно треть общества), которая считает, что религия так или иначе должна играть какую-либо роль в обществе (в том числе политического символа или проводника «политического милосердия», как в Беларуси в ходе акций после выборов президента в 2020 году). Во-вторых, пока недооценена роль общинной деятельности религиозных организаций для развития гражданского общества, тогда как в регионах появляется все больше приходов и больших общин с многогранной деятельностью в сфере культуры, спорта, волонтерства, а не только миссии (прежде всего, это общины православных, протестантов, мусульман, католиков, старообрядцев, представителей иудаизма).

Заметно нарастание оппозиционной активности религиозных активистов, в том числе представителей РПЦ, с разными политическими позициями — как консервативными, так и либеральными. Многие популярные политики могут маскироваться под религиозных активистов или пользоваться частью их «сакрального духа», цитируя Библию и т. д. В глазах политиков и многих их почитателей это как бы и не использование религии в своих целях, а «искренний порыв», освящающий их политические цели. Самые известные примеры — обращение к Евангелию в судебных речах оппозиционеров Е. Жукова, А. Навального, а в Беларуси — В. Бабарико¹⁶.

Появляются религиозно ориентированные политики, которые защищают традиционные ценности, продвигают законы в защиту семейных ценностей (против аборт и т. д.), выступают за строительство и передачу храмов и мечетей, домов молитвы и таким образом отражают чаяния значительной части верующих. Пока что православие было представлено в политике лишь фрагментарно, если не считать формальной православности правящей элиты. Православными политиками считаются депутаты Госдумы РФ Н. Поклонская, В. Милонов, так как они эксплуатировали отдельные элементы религиозной идеологии (почитание царской семьи, борьба с гомосексуализмом). В ходе предвыборной кампании в Госдуму 2021 года была впервые предпринята более системная, но неудачная попыт-

¹⁵ Лункин Р. Н., Филатов С. Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния // Современная Европа. 2018. № 3. С. 102—114. <https://www.doi.org/10.15211/soveurope32018102114>.

¹⁶ Прот. Вячеслав Перевезенцев. «Современный политик вспоминает Христа и Его заповеди» // Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/sovremennyj-politik-vspominaet-hrista-i-ego-zapovedi-svyashhennik-o-zaklyuchitelnom-slove-egora-zhukova/>.

ка соединить консервативную партию с православием в рамках Российского общенародного союза С. Н. Бабурина, куда вошло православное движение «Сорок сороков» во главе с А. Кормухиным. В списке движения также значился мусульманский деятель имам Анар Рамазанов (в дальнейшем стоит ожидать появление и других представителей ислама в публичном пространстве). Однако отличительной чертой кампании «Сорок сороков» в Госдуме стало, по сути, лишь ковид-диссидентство. На первый план вышла именно критика политики «принудительной вакцинации», а не широкая традиционалистская повестка, способная объединить всех верующих. На региональном уровне в Екатеринбурге от партии «Справедливая Россия» в 2021 году в депутаты городской думы Екатеринбурга баллотировалась Оксана Иванова, православная активистка, отстаивавшая право строить храм в центре города и противопоставившая себя либеральным критикам РПЦ. К этому надо добавить, что среди православных и протестантских священнослужителей появился целый ряд оппозиционно настроенных блогеров, которые стали регулярно выступать в социальных сетях, резко расширился пул Telegram-каналов, затрагивающих религиозно-политические темы.

Критика РПЦ со стороны либеральной общественности растет по мере увеличения политического плюрализма и в самой РПЦ, и в религиозной среде в целом. Представители других религий и конфессий, которые в основном следуют за православием и его повесткой, постепенно начинают осознавать свою субъектность в публичной сфере, говорить о своих проблемах и интересах (по преимуществу это мусульмане и протестанты). Успех религиозных политиков и движений будет прямо зависеть от того, насколько их государственническая консервативная позиция сочетается с демократическими нормами, с интересами их общин и своих же прихожан, а также со способностью привлечь широкие слои граждан, которых чисто религиозная повестка (строгая программа соблюдения библейских ценностей, конец света, печать антихриста, отстаивание лишь своих корпоративных культовых интересов) только пугает.

**КОСКЕЛЛО
АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА**

главный редактор интернет-проекта
«Черное и белое»

«ОСТРОВ, ГДЕ ВСЕ У НАС ЕСТЬ» (ОБ ИДЕЙНЫХ ТЕЧЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ РПЦ)

Наличие в РПЦ своих «либералов» и «консерваторов» — это своего рода «общее место» для публицистики и социологии. Однако адекватно описать идейное поле современного православия исключительно в терминах «либерализма» и «консерватизма» невозможно. Религиозное пространство отличается от политического, и политологические схемы хотя и присутствуют в нем, но в заметно измененном виде. Реальная церковно-общественная жизнь не исчерпывается либерально-консервативной матрицей и во многом ей противоречит.

Что касается политики, то формально Церковь не требует от верующих определенных общественно-политических взглядов. Периодически между православными разных идеологических «флангов» возникают конфликтные ситуации, звучат взаимные обвинения в «неправославности» / «несоответствии духу Евангелия». В 1994 году, на фоне острых политических баталий, Архиерейский Собор РПЦ вынес специальное суждение о «непредпочтительности для Церкви какого-либо государственного строя, какой-либо из существующих политических доктрин». Это положение было закреплено в Социальной концепции РПЦ, изданной в 2000 году. Таким образом, учение Церкви остается политически и идеологически нейтральным.

В настоящее время священнослужителям РПЦ запрещено участвовать в деятельности политических партий и избираться в Государственную думу (исключение составляют самоуправляемые части Московского Патриархата, в частности Украинская Православная Церковь). Эта практика — относительно недавняя, она берет начало в 1993 году (до этого, в начале XX века, многие священнослужители были депутатами Государственной думы; общеизвестно также, что в поздне-

советском Совете народных депутатов заседали митрополит Алексей (Ридигер, будущий патриарх) и митрополит Питирим (Нечаев). Постановление о запрете на депутатскую деятельность для клириков РПЦ было принято Архиерейским собором на фоне трагических событий вокруг российского Белого дома, когда члены Церкви, включая священнослужителей, были по обе стороны баррикад. Первой жертвой этого постановления оказался известный правозащитник иерей Глеб Якунин (впоследствии он был лишен сана за несогласие сдать депутатский мандат).

Для мирян участие в политической деятельности не ограничено, при этом им запрещено выступать от имени Церкви. Согласно Социальной концепции РПЦ, «миряне, участвующие в государственной или политической деятельности индивидуально или в рамках различных организаций, делают это самостоятельно, не отождествляя свою политическую работу с позицией церковной Полноты или каких-либо канонических церковных учреждений и не выступая от их имени». Де-факто это означает запрет на создание православных политических партий и невозможность какого бы то ни было общественного движения называть себя представителем всех православных.

Так называемое политическое православие представлено на сегодняшний день несколькими субкультурами, статус которых маргинален даже в собственно церковной среде.

Во-первых, это православные монархисты. Течение, возникшее в тесной связи с культурой Русского Зарубежья, отличающееся радикальным неприятием всего советского и особым почитанием семьи последнего российского императора. В 1990-е годы оно было очень влиятельно, в настоящее время сильно ослабло. Самым ярким представителем течения был отлученный от Церкви бывший схимигумен Сергей (Николай Романов) из Екатеринбурга; типичные представители — московский священник Александр Шаргунов, петербургский священник Геннадий Беловолов, митрополит Екатеринбургский Евгений (Кульберг) и др.

Во-вторых, это православные сталинисты. Сами они себя называют православно-патриотическим движением, но, в отличие от монархистов, они симпатизируют советскому строю и положительно оценивают роль Сталина в истории страны и РПЦ. Это наследники позднесоветских националистов; особое духовное значение для них имеет победа СССР в Великой Отечественной войне, которую они связывают с «поворотом советского режима к православию». Из всех течений «политического православия» это — наиболее многочисленное; рупором его может считаться информагентство «Русская народная линия». Довольно близки к этому течению митрополит Псковский Тихон (Шевкунов), «православный оли-

гарх» Константин Малофеев и возглавляемые им телеканал «Царьград» и общество «Двуглавый орел».

В-третьих, это православные либералы. Течение было довольно сильно в 1990-е годы, центральное значение для него имели идеи прав человека и религиозной свободы. Движение радикально антисоветское, самой заметной фигурой был покойный иерей Глеб Якунин, после его отлучения от РПЦ движение постепенно сошло на нет. Сейчас в Москве есть малочисленная группа «православных либералов», среди них журналист Сергей Чапнин, филолог Андрей Десницкий, священник Алексей Уминский, однако их влияние на церковную жизнь не очень значительно.

Помимо общественно-политических разногласий в православной среде есть разногласия по вопросам собственно церковным: члены Церкви по-разному смотрят на церковную историю, на современную ситуацию в церковном управлении, на богослужебную традицию РПЦ. Условно можно говорить о «консервативной» и «либеральной» программах развития Церкви.

«Либеральная» программа в общем виде была порождена Поместным собором 1917—1918 годов (ее сторонники часто говорят о необходимости «вернуться к документам» этого собора). В основе ее — идея церковных реформ (выборность епископата, женское священство («служение диаконисс»), фиксированное членство в приходах, прозрачность финансовых потоков в Церкви, так называемое литургическое возрождение (возвращение древних чинов литургии, а также написание новых), русский язык (и вообще — национальные языки) в богослужении, активный диалог с представителями других конфессий).

«Консервативная» программа исторически возникла как реакция на «либеральную» и строится в основном на ее отрицании. Соответственно, тезисы ее неопределенные. Часть «консервативного» духовенства стоит на позиции простого сохранения в неизменном виде всех существующих практик церковной жизни (наиболее болезненным для них является вопрос церковно-славянского языка в богослужении). Существует также творческий консервативный проект, вдохновляемый митрополитом Тихоном (Шевкуновым) и преподавателями московской Сретенской семинарии. Он предполагает не просто сохранение церковно-славянского языка в богослужении, но масштабную реформу богослужебного строя, основанную на возвращении к так называемой дониконовской справе (отсюда такой пиетет «шевкуновцев» перед «дораскольной» Русью и старообрядчеством).

Расхождения между первым и вторым течениями усилились на фоне разрыва канонического общения между Московским и Константинопольским патриар-

хатами. «Либералы» трагически переживают разрыв с Константинополем, они в целом симпатизируют Вселенскому патриархату, видят в нем «культурное» и «человеческое» лицо православия, а патриарха Варфоломея считают неким антиподом патриарха Кирилла. «Консерваторы», напротив, считают разрыв с Константинополем своей победой и окончанием периода «экуменического безобразия» в РПЦ. Сам Варфоломей, по их мнению, — фигура крайне отрицательная, многие обвиняют его в ереси «восточного папизма», в потворстве мировому глобализму и в сотрудничестве с американскими спецслужбами.

Важно подчеркнуть: церковный «либерализм» и церковный «консерватизм» не коррелируют четко с той или иной политической платформой. Среди современных церковных деятелей есть те, кто является «либералом» в Церкви, но в политике — консерватором или традиционалистом (яркий пример — известный московский священник Георгий Кочетков, «либерал» в церковных вопросах, но охранитель и националист — в политических). С другой стороны, есть церковные «фундаменталисты», политические взгляды которых ближе к анархизму или анархо-синдикализму (такowymi являются многие последователи покойного священника Даниила Сысоева, называющие себя «уранополитами»). Многие «православные либералы» (включая прот. Алексея Уминского) в церковных вопросах довольно консервативны. Наконец, среди православных «либералов» и «консерваторов» много людей, в принципе аполитичных. Наиболее политизировано православное сообщество в столице, в то время как уже в Петербурге, а тем более в провинции, «политическое православие» встречается лишь эпизодически.

Ни «консервативное», ни «либеральное» течения в Церкви не являются жестко конституированными. Большинство членов Церкви не относят себя к тому или иному «лагерю». Большинство приходов, даже имеющих стойкую репутацию «либерального» и «консервативного», не заняты какой-либо церковно-общественной деятельностью и не вынашивают плана каких-либо реформ. В то же время «консервативный» и «либеральный» дискурсы четко присутствуют в церковной жизни на уровне языка. Фактически в современной РПЦ бытуют два «языка вражды». Первый («либеральный») включает в себя такие «ругательства», как «черносотенцы», «обскурантисты», «царебожники», «православные фашисты». Для очернения своих оппонентов они используют шуточные выражения — «богословие платка», «богословие ложки». Второй язык («охранительный») пользуется, в свою очередь, другим набором словесных клише. Это, собственно, слово «либералы» — в качестве ругательного, а также слова «экуменисты», «неообновленцы» (в память об обновленческом расколе 1920-х годов), «меневцы» (по имени часто почитаемого «либералами» протоиерея Александра Меня), «филокатолики», «розовое православие», «православие лайт», «церковные навальнисты».

Предпочтение первого языка или второго — это, как правило, не вопрос интеллектуального и идейного выбора, а вопрос круга общения, социальных связей. В каком-то смысле различие языков «либеральной» и «консервативной» проповеди связано с социальными аспектами. Ядро «либеральной» церковной аудитории — это так называемый городской креативный класс, работники частного сектора, тогда как ядро «консервативной» — силовики, военные, чиновники, бюджетники. Соответственно, «либералы» больше симпатизируют идеям свободы и демократии, а «консерваторы» — как правило, патриоты и государственники.

Однако эта зависимость не абсолютная, и многое определяется психотипом самого человека. Так, «консервативный» стиль ближе тем верующим, которые концентрируются на идее Страшного суда и на образе Бога, карающего грешников. «Либеральный» язык выбирают те, кому ближе образ Господа милующего и всепрощающего. Неслучайно среди «либералов» так популярны фигуры протоиерея Александра Меня и митрополита Сурожского Антония (Блума). Этих церковных деятелей сложно назвать «реформаторами» и «демократами», но стиль их проповеди — благожелательный, интеллигентный — безусловно, импонирует тем, кто ищет «православия с человеческим лицом».

Священноначалие РПЦ традиционно не ассоциирует себя ни с «либералами», ни с «консерваторами», но балансирует между теми и другими с разной степенью успешности. Архиереи советского времени, жившие под контролем КПСС, предпочитали не играть роль идеологов. Из епископов, активных в 1990-е годы, более «либеральными» слыли Владимир (Котляров), Владимир (Сабодан), Кирилл (Гундяев; нынешний патриарх), более националистически настроенными — Питирим (Нечаев), Иоанн (Снычев). Последний долгое время считался покровителем черносотенного крыла РПЦ — впрочем, этот статус скорее надуманный (тексты, приписываемые Иоанну, в большинстве своем не написаны им самим).

Патриарх Алексей II в своей внутрицерковной политике лавировал между «либералами» и «правыми», поочередно назначая на высшие церковные должности более или менее «умеренных» представителей всех существующих течений. Параллельно все «радикалы» последовательно устранялись из церковно-общественного поля. Одним из результатов этого стал исход части православных интеллектуалов в «альтернативные» православные юрисдикции (в «альтернативное православие» ушли, в частности, «либералы» Глеб Якунин и Яков Кротов, «консерваторы» Анатолий (Валентин) Русанцов, Вадим (Григорий) Лурье и другие). Группа московского «либерального» священника Георгия Кочеткова хотя и осталась в РПЦ, но была подвергнута репрессиям со стороны центральной церковной власти (Кочеткова лишили храма, провели серию церковных конфе-

ренций с осуждением его «учения»; откровенная травля Кочеткова в православной прессе долгие годы была нормой).

Патриарх Кирилл, который, в отличие от Алексия, изначально претендовал на роль православного интеллектуала и имел репутацию «либерала» и «экумениста», оказался в еще более сложных отношениях с внутрицерковными группировками. Фактически с самого начала патриаршества он столкнулся как с недоверием, так и с откровенной критикой всех и вся.

Вплоть до 2015 года амбассадором Кирилла среди православных активистов выступал протоиерей Всеволод Чаплин. Он был председателем Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества, заместителем председателя Всемирного русского народного собора и целенаправленно выстраивал баланс между «правыми» и «левыми» в РПЦ. Чаплин наладил контакты и с движением Кочеткова, и с различными группировками ультраправых. При отделе Чаплина был сформирован Совет православных общественных объединений, состав которого был чрезвычайно пестрым. Как шутили члены этого совета, их собрание напоминало песню любимого исполнителя отца Всеволода — Псоя Короленко «Остров, где все есть» («и локоны Эйнштейна, и тапки Витгенштейна»). Впрочем, еще до устранения прот. Всеволода из системы церковного управления данный подход показал свою неэффективность. Представители всех направлений быстро осознали, что их зовут лишь «для галочки» и церковная власть равнодушна к их мнениям.

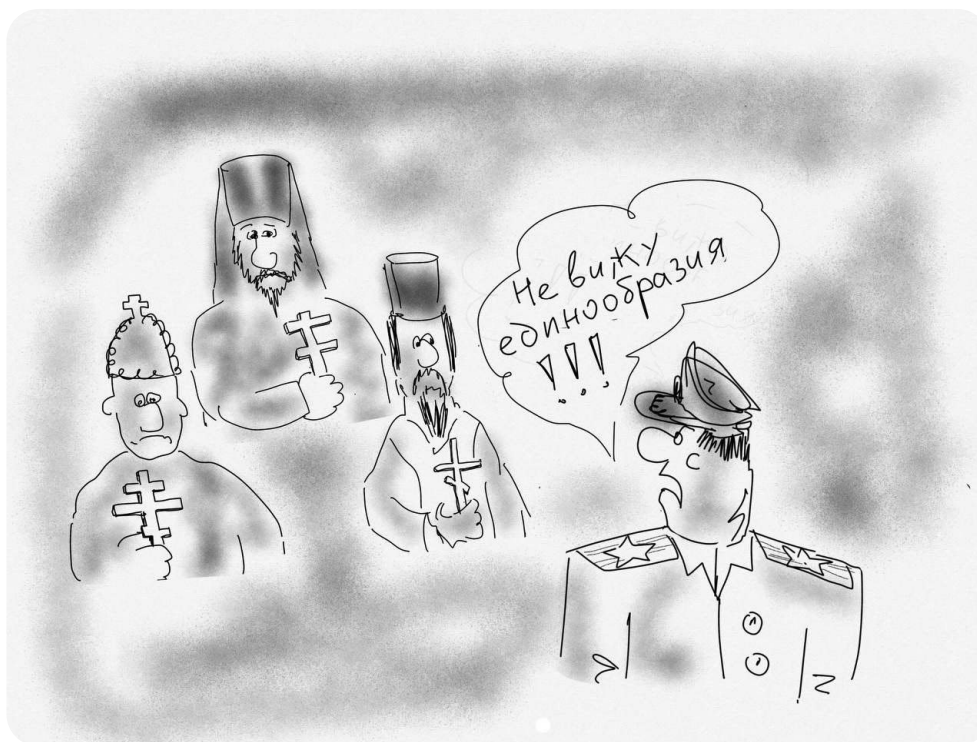
После 2015 года патриарх практически оставил попытки выстроить баланс между «консерваторами» и «либералами» (что неизбежно привело к падению его авторитета и в Церкви, и в обществе, и во власти). Фактическая внутрицерковная политика патриарха скорее соответствует «либеральной» программе. Кирилл провел епархиальную реформу (так называемое разукрупнение епархий, призванное приблизить архиереев к собственной пастве), воссоздал институт церковного суда, прекратил преследование своего старого знакомого и иподиакона Георгия Кочеткова. Репутацию «экумениста» и «филокатолика» Кирилл подтвердил знаменитой встречей с папой Римским Франциском в 2016 году.

В то же время словесный дискурс патриарха отчетливо склонился вправо, в сторону православно-патриотическую. Ведущую роль в команде патриарха занял консервативный политолог Александр Щипков, в результате речи патриарха стали включать все больше националистических и просоветских лозунгов. В оформлении разрыва с Константинопольским патриархатом заметную роль также сыграли «консерваторы» — московский священник Андрей Новиков, публицисты Аркадий Малер и Сергей Худиев. В каком-то смысле патриарх Кирилл повторил здесь опыт своего учителя и наставника, митрополита Никодима (Ротова), который,

будучи экуменистом и филокатоликом, по политическим соображениям привлек к написанию собственных речей идеолога младороссов (то есть русского неофашиста) Александра Казем-бека.

Кризис патриархийной идеологии, ставший явным в середине 2010-х годов, усилился нараставшим дистанцированием российского государства от РПЦ. Поздний путинский режим фактически отказался от услуг патриархии в «патриотическом воспитании» нации, оставив Церкви лишь роль «хранителя веры и обычаев предков» и «церемониальной приправы» к президентской власти. Роль церковных институтов в образовании — в частности, в написании учебников по основам духовно-нравственной культуры, — была сведена практически к нулю.

На этом фоне явно возросло влияние неформальных церковных лидеров, в первую очередь митрополита Тихона (Шевкунова). Митрополит Тихон в гораздо большей степени соответствует трендам и церковной, и общественной жизни. Курс на реабилитацию всего советского он проводит куда более убедительно (возможно, потому что, в отличие от патриарха Кирилла, члена семьи репрессированных и сполна испытавшего тяготы советской жизни, Тихон пришел в Церковь в «безопасные» позднесоветские годы и никогда всерьез не страдал за то, что он верит в Бога?). «Изоляционистскую» линию во внешней и межцерковной политике Тихон также поддерживает более внятно, нежели экуменист, международник и давний друг православных греков Кирилл.

© Александр Дмитриев, специально для СоциоДиггера

Вытеснение Церкви из сферы реальной политики, как и общемировой тренд на превращение религии в часть массовой культуры, приводит к тому, что на первый план в российском обществе выходят не православные политики и не церковные иерархи, но артисты, писатели, художники от православия. В результате самые известные в стране представители РПЦ на сегодняшний день — это писатель и режиссер митрополит Тихон (Шевкунов), писатель и композитор митрополит Иларион (Алфеев), певец иеромонах Фотий, священник в запрете и артист Иван Охлобыстин (его «Доктрина 77», основанная на творчестве митрополита Иоанна (Снычева), хотя и соответствует традиционной православно-патриотической риторике, но по сути является именно шоу, а не политической программой).

Принадлежность того или иного представителя Церкви к «либеральному» или «патриотическому» лагерю на этом фоне перестает быть сколь-нибудь явной. Фактически традиционные идейные течения русского православия на наших глазах исчезают, становясь частью единой постмодернистской медиакультуры.

**ФИЛАТОВ
СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ**

старший научный сотрудник Института востоковедения РАН,
руководитель проекта «Энциклопедия современной
религиозной жизни России»

30 ЛЕТ РПЦ ПОСЛЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Эволюция церковной жизни

Люди, погруженные в реалии сегодняшнего дня, не замечают, как сильно изменилась РПЦ за прошедшие 30 лет. При советской власти в церковной жизни больше всего было проявлено стремление к правильному исполнению правил участия в богослужении, соблюдению треб, традиций и ритуалов; много обсуждались правила исполнения постов и взаимоотношения мирян с духовенством. Смирение и послушание — принципиальнейшие нормы жизни РПЦ. В сознании большинства практикующих верующих сложившийся в советские времена порядок церковной жизни представлялся чем-то сакральным. В частности, сакральным воспринимался церковно-славянский язык богослужения. Не только миряне, но и большинство духовенства плохо знали свое православное вероучение. Популярной была мудрость: «Предание выше Писания». Сейчас уже трудно поверить, что такое возможно: человек, назвав себя христианином, часто попадал в церковной среде под подозрение, ведь мы здесь православные, а не какие-то христиане.

Свобода, приобретенная церковью в конце 1980-х годов, задавала определенную логику развития, которая не очень зависела от личностей лидеров церкви и внешних обстоятельств. Наибольшие усилия церковное руководство прилагало в двух направлениях — открытие новых приходов и духовное обучение. В обоих направлениях достигнуты значительные успехи. В большинстве городов открыто, построено или строится достаточно церковных зданий, чтобы верующий православный народ мог жить полноценной церковной жизнью. Повсеместное невежество церковных людей в вопросах веры тоже в прошлом. Перфекционисты, как им и положено, говорят, что все плохо: и народ не знает своей веры, и церковью не хватает — никакие цели не достигнуты; но для беспристрастного взгляда принципиальный прогресс налицо.

За прошедшие годы духовенство, при советской власти искусственно оторванное от народа, сблизилось со своей паствой, стало понимать и принимать ее ценности и интересы, осознавать, что в пастве присутствуют и либералы, и консерваторы, и путинисты, и навалынисты, и даже есть немножко коммунистов с фашистами. Церковь существует для всех, несмотря на различие политических и даже в значительной мере религиозных взглядов. Церковное руководство, как мне кажется, потихоньку осознает, что это многообразие, при всех связанных с ним сложностях, — бесценный капитал Церкви. Таким образом, РПЦ становится уникальным для нашей страны «объединителем необъединяемого». И сегодня Русская Церковь — это действительно национальная Церковь, где всем желающим есть место.

До 2009 года, когда Кирилл стал патриархом, социальное служение и благотворительность присутствовали в церкви на минимальном уровне. От высшего церковного начальства запросто можно было услышать, что социальное служение — баловство, пришедшее с Запада, сил и средств не хватает даже на более важные вещи. Но уже тогда возникло и начало расти церковное волонтерское движение. В него вступают люди, для которых вера — это служение ближнему. Участие в богослужении и пост для их религиозности не более, а то и менее важны, чем дела милосердия. Сейчас редко найдешь приход, совсем не участвующий в социальном служении.

Еще один яркий пример эволюции церковного сознания. В середине 1990-х годов повсеместной позицией духовенства было убеждение, что православие — русская вера. Мое первое полевое путешествие было в Мордовию, священники говорили — нам бы своих, русских к Христу привести, да мордва и не нуждается. Даже священники-мордвины говорили, что принятие православия равно русификации. Они были за русификацию. С аналогичными взглядами я сталкивался и в других регионах — Горном Алтае, Якутии, Марий Эл, где было заметное число нерусских. Сейчас повсюду учат языки, признают национальные особенности в церкви и т. д. Те, кто считает православие этнической русской религией, сидят тише воды, ниже травы.

Самодержавие церковного начальства — главная болезнь РПЦ

Чем дальше идет оздоровление Церкви, ее освобождение от коммунистического плена, тем отчетливее видна самая сложная и самая важная проблема, требующая реформирования — полное отсутствие законных норм в администрировании Церковью. Патриарх безраздельно властвует над всей РПЦ, архиереи в своих епархиях никому и ничему не подчиняются, часто творят произвол и удовлетворяют свои капризы за счет церкви. Среди епископов есть достойные уважения люди, но и им всевластие на пользу не идет.

Что касается отношений церкви и государства в современной России — здесь вопрос в том, с чем сравнивать. Если сравнивать РПЦ с Католической Церковью в Латинской Америке, то у нас РПЦ выглядит как прислужница власти. Если сравнивать нынешнюю РПЦ с той же церковью советского периода — сегодня все очень даже неплохо. Вопросов масса, но все-таки проявлений церковной независимости не мало. Многие священники и епископы выступали против пенсионной реформы. Официального приветствия присоединения Крыма со стороны РПЦ также не было. Двести священников подписали письмо в защиту арестованных по «московскому делу», и священноначалие их не репрессировало. Дискуссия об освящении оружия — это же совершенно невозможная вещь еще лет двадцать назад! И таких примеров за последние годы можно назвать много. Критики патриархии утверждают, что этого мало, что все эти действия непоследовательны и противоречивы. Но первые шаги всегда робкие. Иногда даже «один шаг вперед, два шага назад». К тому же внутривластная ситуация в стране не способствует развитию самостоятельности и независимости церкви. Но эти первые шаги как раз самые важные. Их сделать сложнее всего. Потом «процесс пойдет».

Отдельная проблема, являющаяся прямым следствием вертикали власти в РПЦ, — церковные финансы, находящиеся в бесконтрольном владении церковного начальства. РПЦ имеет три источника доходов: церковные расходы прихожан, дары спонсоров (предпринимателей и различных коммерческих организаций) и материальная помощь властей, в первую очередь на реставрацию церковных зданий, памятников культуры. Только последний источник хотя бы формально подконтролен государству и обществу. Расходы прихожан в церкви и помощь спонсоров — закрытая сфера, где личная воля церковного начальника, оседлавшего финансовый поток, решает судьбу денег. Такое положение вещей приводит к целому ряду проблем.

В церкви сложилось большое имущественное расслоение. Епископы, настоятели крупных городских приходов, игумены посещаемых паломниками монастырей живут в роскоши, в то время как большинство церковнослужителей, особенно в небольших городах и селах, еле сводят концы с концами. Их тяжелое положение усугубляется тем, что среди духовенства распространены многодетные семьи.

Церковные учебные заведения, благотворительные проекты постоянно сталкиваются с недофинансированием. На это церковным начальникам часто не хватает денег.

Церковь и светское общество

Людей, которых можно назвать практикующими, церковными, по самым оптимистичным для РПЦ меркам 10—15 % (см., например, табл. 1). С остальным

населением отношения складываются сложно. Не менее 60% россиян в рамках разных социологических опросов называют себя православными¹, что демонстрирует авторитет РПЦ среди людей, с церковью не связанных. В течение многих лет опросы показывают, что церковь — один из двух-трех самых авторитетных институтов российского общества². В то же время среди широких слоев населения наблюдается нежелание усиления влияния церкви в общественной жизни, ее вмешательства в государственные дела и политику (табл. 2). В этих социальных слоях распространено представление об РПЦ как об идеологической прислуге светской власти. Неприязнь вызывает богатство церковной элиты и ее привилегированное положение в государстве. Эти две токсичные для духовных командиров темы в секулярном сознании недовольных РПЦ людей характеризуют ее как преувеличенно порочный институт. Есть, однако, сфера, где противоречия действительно принципиальны и глубоки, — это сфера семейных и сексуальных отношений. РПЦ страстно поддерживает традиционные христианские ценности. Она категорически против аборт, за многодетную семью, в которой женщина в первую очередь заботится о благоденствии семьи. РПЦ против разводов и секса вне брака. Для большинства представителей современной российской молодежи эти церковные ценности неприемлемы.

За прошедшие 30 лет РПЦ претерпела существенную эволюцию. В церкви ослабли или практически исчезли монархические, тоталитаристские или радикально националистические настроения. РПЦ начинает осознавать себя как сообщество людей разных политических взглядов, национальностей, социальных слоев. Среди духовенства и православных мирян развиваются различные идейные и политические течения. Социальная активность РПЦ стала заметным явлением. В первую очередь в сфере благотворительности, волонтерства, а также в сфере культуры. В то же время в жизни РПЦ присутствуют архаичные институты и практики. Самое важное явление такого рода — это ничем не ограниченная власть церковного начальства и связанного с ней бесконтрольного для каких-либо легальных государственных или церковных институтов распоряжения финансами. Церковь является и по крайней мере в обозримом будущем будет являться консервативным институтом в российском обществе. При этом прошедшее тридцатилетие дает основания предполагать, что она станет ответственным консервативным институтом.

¹ См., например: Аналитический обзор ВЦИОМ «Великий пост — 2021» от 15.03.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021>.

² См., например, данные ВЦИОМ «Деятельность общественных институтов». URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-obshchestvennykh-institutov/>.

Таблица 1. Вы ходите в церковь или нет?(закрытый вопрос, один ответ, вопрос задается только последователям православия)³

	I.2018	III.2019	XII.2019	X.2020
Не хожу	6	14	18	11
Хожу время от времени	78	72	69	77
Хожу регулярно, как минимум раз в месяц	15	14	13	12
Отказ от ответа	1	0	0	0

Таблица 2. Как, на Ваш взгляд, должны строиться отношения между церковью и обществом, государством?(закрытый вопрос, один ответ, май 2015)⁴

	Всего опрошенных	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 и старше
Церкви следует заниматься проблемами веры и религии, не вмешиваясь в жизнь общества и государства	32	39	38	32	30	27
Церковь должна влиять на моральную, духовную жизнь всего общества, но не вмешиваться в политику и государственные дела	47	48	47	50	47	45
Церковь должна активно участвовать в обсуждении и решении проблем современного общества и государства	14	9	9	11	16	22
Затрудняюсь ответить	7	4	7	6	7	7

³ Опубликовано на сайте ВЦИОМ (фрагмент из архива «Спутник», свободный поиск).⁴ Опубликовано на сайте ВЦИОМ (фрагменты из архива Спутник). URL: https://bd.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1024&q_id=70655&date=17.05.2015.

**МАКАРКИН
АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**

профессор НИУ ВШЭ

СЕМЬ ПРОБЛЕМ «ЦЕРКОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»

Русская православная церковь в нынешнем столетии добилась масштабных успехов во взаимоотношениях с государством. Производится реституция церковной собственности. «Основы православной культуры» включены в федеральную школьную программу (хотя действует вариативность и они конкурируют с рядом других дисциплин, но на практике, по данным Московской патриархии, их изучают 40 % школьников). Официально введено военное духовенство. Впрочем, все эти преференции относятся к президентству Дмитрия Медведева, и после него новых «подарков» от государства церкви не поступало. Неоднократно выдвигаемые предложения расширить преподавание «Основ православной культуры», превратив их в полноценный вероучительный курс, государством приняты не были. При этом к настоящему времени в отношениях с обществом церковь столкнулась с целым рядом взаимосвязанных проблем. Можно выделить семь из них.

Первая проблема — снижается число россиян, декларирующих свою приверженность православию (столь осторожная формулировка оправданна, так как к числу номинальных православных в ряде случаев относятся и некрещеные — и не собирающиеся креститься, — и даже неверующие в Бога; все они обычно объясняют свой выбор национально-культурными соображениями). Опросы ВЦИОМ показывают, что хотя православие остается доминирующей конфессией (и в сколько-нибудь обозримом будущем ситуация не изменится), но число респондентов, идентифицирующих себя с православием, уменьшается. В 2017 году таких было 75 %, в 2021-м — 66 %¹.

¹ Источник: за 2017—2021 годы — Аналитический обзор «Великий пост — 2021» от 15.03.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021>; за 2005—2010 годы — Аналитический обзор «Верим ли мы в Бога?» от 30.03.2010. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/verim-li-my-v-boga>.

Вторая проблема — идентификация с атеизмом перестает быть маргинальной. Число неверующих за это же время увеличилось с 7 % до 14 % (в том числе 22 % среди респондентов от 18 до 24 лет). Современный атеист — это не карикатурный воинствующий безбожник, в арсенале которого стандартные и многократно высмеиваемые аргументы вроде «космонавты в космос летали, Бога не видели». Это нередко образованный молодой человек, напоминающий своего ровесника позднесоветского времени неприятием навязываемого ему официоза — только тогда официоз был атеистическим, а сейчас стал православным.

Третья проблема — церковь теряет «тефлоновость». Уникальная ситуация двух первых десятилетий постсоветской России более не повторится. Тогда восприятие церкви как важнейшего традиционного российского института и, одновременно, мученицы, пострадавшей от гонений при советской власти, привело к тому, что она фактически оказалась вне критики как в политическом классе, так и в обществе в целом. Теперь этот мощный ресурс истончился — церковь все более воспринимается как богатый и влиятельный институт, глубоко интегрированный в систему внутриэлитных отношений. Стереотипный образ «попа на мерседесе» получил широкое распространение в интернете, тогда как судьбы многочисленных батюшек, ведущих крайне скромную жизнь, известны и интересны обществу куда меньше. Идентификация в публичном пространстве Русской православной церкви и государства способствует росту не только антиклерикальных (связанных с неприятием усиления влияния церкви на общественные процессы), но и антирелигиозных настроений. Законодательство и активная правоприменительная практика по защите чувств верующих ведут к тому, что церковь из мученицы в глазах модернистской части общества превращается в «мучительницу».

Четвертая проблема — усиливается напряженность во взаимоотношениях церкви и интеллигенции. Православной традиции в России свойственно подозрительное отношение к интеллигентам — идеалом для многих священнослужителей является благочестивый «простец», априори доверяющий авторитету церкви. Для того чтобы стать «своим» для таких представителей клира, интеллигент должен приблизиться к «простецу» по уровню своей веры. С этим связан феномен «православных специалистов», немногочисленных и нередко недостаточно авторитетных в своих профессиональных сообществах, но подчеркивающих свою верность церковному учению, нередко в фундаменталистской стилистике — «православные биологи» продвигают креационизм, «православные деятели искусств» отрицают современную культуру и т. д. Таким образом, повестка взаимодействия церкви и интеллигенции нередко маргинализируется. Ситуацию усугубляют конфликты с музейными работниками, сотрудниками системы образования и другими представителями интеллигенции в ходе реализации законодательства о реституции церковной собственности.

Пятая проблема — в России сложилось общество потребления, которое не только противоречит церковному идеалу «Святой Руси», но и ведет к негативным для церкви практическим последствиям. В «пирамиде Маслоу» для большинства православных верующих (в частности, «захожан», которые с некоторой регулярностью посещают храмы, чаще всего по большим праздникам или в связи с семейными событиями) расходы на церковные нужды занимают далеко не первостепенное место — соответственно, они быстро «отсекаются» или резко сокращаются в случае возникновения материальных затруднений. Люди все более относятся к церкви с «потребительских» позиций, стремясь определить свою конкретную выгоду от вложений (пожертвований) на ее нужды.

Немалая часть «захожан» не просто предпочла дистанционное участие в богослужениях, которое для обычной ситуации является профанацией, но и после смягчения или отмены ограничительных мер не вернулась в храмы. В 2021 году, по данным МВД, в пасхальную ночь храмы посетило более 1,6 млн человек². Это в 2,6 раза меньше, чем в 2019. Можно спорить о качестве статистики, когда речь идет об абсолютных цифрах, но методика остается прежней и падение посещаемости налицо. Значительно комфортнее послушать богослужение дома, почувствовав свою «сопричастность» к церковной жизни, чем сделать усилие и посетить ночную службу.

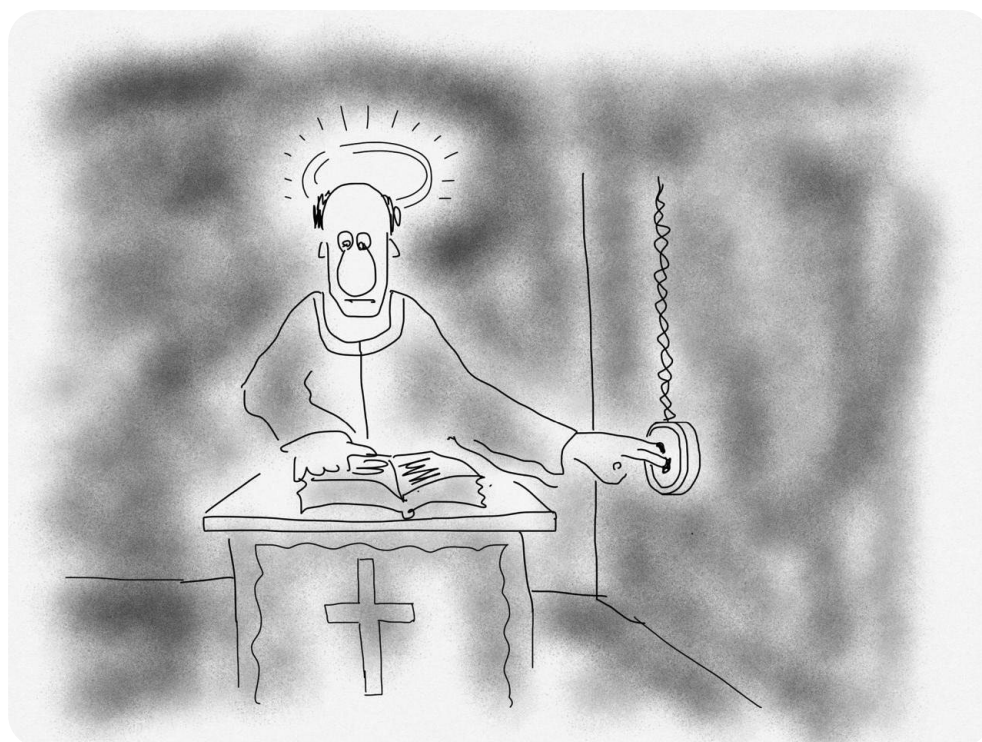
Шестая проблема — стала реальной перспектива капсулирования «практикующих верующих», усиливающаяся в условиях пандемии, когда наиболее активные и мотивированные прихожане консолидируются, а «захожане» в значительной степени отсеиваются. Усиливается диссонанс между представлением о «церкви большинства» и относительно малым числом постоянно посещающих храмы и следующих церковным правилам. Лишь 2 % от всех православных, по данным ВЦИОМ, строго соблюдают все посты, то есть придерживаются уставных правил, а 71 % называющих себя православными посты не соблюдают вообще. Крайне слабой является и информированность россиян о важнейших событиях истории российской церкви, даже о наиболее почитаемых святых — лишь 20 % сообщили социологам, что хорошо знают, кто такой Серафим Саровский (но при этом когда респондентов попросили назвать до трех его характеристик, то большинство (16 %) предпочли самый очевидный вариант — «святой», и лишь 3 % упомянули об основании им монастыря; другие характеристики оказались еще менее распространенными и обычно применимыми ко многим святым — «помогал людям», «совершал чудеса»)³.

² МВД: Более 1,6 млн человек приняли участие в пасхальных службах // Российская газета. 02.05.2021. URL: <https://rg.ru/2021/05/02/mvd-bolee-16-mln-chelovek-priniali-uchastie-v-pashalnyh-sluzhbah.html>.

³ Аналитический обзор ВЦИОМ «Святые: люди и места» от 22.01.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/svyatye-lyudi-i-mesta>.

Таким образом, субкультура практикующих верующих существенно отличается от мировоззрения и интересов номинальных православных. С политической точки зрения этот диссонанс проявился еще в 2017 году, когда протесты против фильма «Матильда» оказались малочисленными, а за его запрет высказались 17% респондентов ВЦИОМ, против — 48%, то есть православным активистам не удалось добиться поддержки большинства номинальных православных⁴.

Седьмая проблема — авторитет церкви как института даже для многих практикующих верующих ограничен. Опасения масштабных и громких расколов, впрочем, явно преувеличены — на шумевшее дело бывшего схиигумена Сергия (Романова) не привело к расколу, хотя и способствовало существенному снижению числа участников стихийного крестного хода во время «Царских дней» в Екатеринбурге в 2021 году. Важнее другое — верующие принимают решения в рамках вопросов церковной дисциплины, часто не обращая внимания на позицию священноначалия. Разрыв с Константинополем повлек за собой официальный запрет прихожанам Русской православной церкви молиться на Афоне — однако паломничество на Афон продолжается, причем паломнический центр Украинской православной церкви (Московского патриархата) особо отмечает «насыщенный маршрут с ночлегами в святогорских монастырях» (то есть не только в Свято-Пантелеимоновом монастыре, в котором молиться официально разрешено).

© Александр Дмитриев, специально для СоциоДиггера

⁴ Аналитический обзор ВЦИОМ «Страсти по „Матильде“» от 25.10.2017. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strasti-po-matilde>.

Когда Элладская церковь признала Православную церковь Украины, то запрета посещать Керкиру и молиться у мощей святого Спиридона не последовало из-за очевидной неисполнимости такого решения. Верное чадо церкви, стремящееся соблюдать все предписания (что должно быть нормативным), остается редким явлением в российском обществе.

Смена поколений не приведет к отмиранию церкви, на которое надеялся еще Никита Хрущев. Напротив, немалая часть комсомолок его времени стали «церковными бабушками» — на склоне лет людям свойственно задумываться о вечном. Но притока молодежи в церковь, подобного происходившему в период церковного возрождения конца XX века, уже не будет. А перечисленные выше проблемы будут усугубляться, оказывая влияние и на внутреннюю жизнь церкви, и еще более на ее место в обществе.

**ОСТРОВСКАЯ
ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА**

доктор социологических наук,
профессор кафедры теории и истории социологии СПбГУ

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ МЕДИАДИСКУРС ОБ РПЦ: ПРАВОСЛАВНЫЕ ТЕЛЕГРАМЕРЫ¹

Тотальная медиатизация социальных практик открыла перед социологами религии уникальную возможность изучения сообществ и дискурсов, прежде труднодоступных или по умолчанию не рекомендуемых для исследования. В разряд таких, наряду с закрытыми религиозными группами, интересным образом попали и православные приходские общины, монастыри, внутрицерковные дискурсы о современном российском православии. Консервативная академическая логика выкидывает за борт труднодоступные религиозные сообщества. Объяснение простенькое — они ведь статистически малые, не оказывают влияния на общественное мнение, политически неконфликтные. Короче, неинтересно. Зачем тратить годы на поиск входа к респондентам, мнения которых не экстраполировать на общество в целом? Имеются, конечно, ученые-одиночки, положившие жизнь на изучение таких общин. Только вот парадоксальным образом религия статистического большинства российского общества, православие, также подсвечено лишь некоторыми немногочисленными статьями.

Православие в российской социологии и религиоведении представлено количественными опросами о специфике современной «религиозности» россиян и степенях «воцерковленности» православных. Никто точно не скажет, что есть религиозность и как все-таки замерить воцерковленность. Но речь ведь не о конкретике, а о дискуссии, о секуляризации, в конце концов. Преобладание стратегии количественных исследований РПЦ имеет отчетливый идеологический формат. Опросы населения о религиозной аффилиации верующих у храмов накануне крупных церковных праздников не требуют кропотливых поисков входа. Они понятны, не опасны, не затрагивают мировоззренческих диспозиций общества.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта № 19-011-00871 «Социальные медиа как фактор трансформации православия в современной России».

Кроме того, социолог, как правило, а особенно если православный социолог, получает одобрение со стороны священноначалия. Количественное изучение специфики религиозности постсоветского гражданина не берет в рассмотрение внутренних церковных настроений и дискуссий. Результаты количественных опросов даже по касательной не цепляют динамики развития православной жизни с начала эпохи ее возрождения в 1990-х годах. За тридцать лет существования возрожденного православия в России выросли поколения новых православных священников и воцерковленных мирян, чья юность и социализация пришлись на 2000-е годы — короткий период организационных инноваций в РПЦ, крохотную «оттепель», обещавшую дальние горизонты. С чем столкнулись эти поколения в своей профессиональной и повседневной церковной жизни в 2020-х годах? Что мотивирует их оставаться в среде «замещающего» меньшинства верующих, нести бремя воцерковленности за большинство российских аффилированных православных? Или, наоборот, почему растет процент тех, кто либо снимает с себя сан священника, либо, отучившись в духовном учебном заведении, делает выбор в пользу секулярной профессии? Почему затронуть тему поляризации мировоззренческих позиций внутри современной РПЦ возможно лишь в контексте разговора о пандемии COVID-19?

Интересным образом ответы на эти вопросы публикуются российскими учеными на английском языке в зарубежных журналах или в статьях светских СМИ. Так, соприкоснуться хотя бы в первом приближении с конфликтной темой реформирования организационной и управленческой структур РПЦ можно в основном благодаря публикациям на Meduza² или статьям в «Новой газете»³. О рухнувшем проправославном консенсусе российского общества, о поляризации настроений и «воронке конфликтов» внутри РПЦ мы узнаем со страниц «Нового литературного обозрения»⁴. А обсуждение такой, казалось бы, остро актуальной темы, как отношение православного российского большинства к интернету и новым медиатехнологиям, было инициировано авторами опу-

² См.: Лученко К. Богослужения на русском, женское священство и новые правила поста Шесть идей для реформ в РПЦ // Meduza. 26.01.2016. URL: <https://meduza.io/feature/2016/01/26/bogosluzheniya-na-russkom-zhenskoe-svyaschenstvo-i-novye-pravila-posta> (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента).

³ См.: Севастьянов Л. Православный блокчейн. РПЦ нужно отказаться от вертикальной модели управления // Новая газета 2018. № 125. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/11/11/78544-pravoslavnyy-blokcheyn>; Чапнин С. Деньги, кадры, послушание. Реформирование РПЦ: что предстоит поменять после окончания эпохи патриарха Кирилла? // Новая газета. 2018. № 125. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/09/06/81865-dengi-kadry-poslushanie>.

⁴ Статья известного российского социолога Дмитрия Узланера была первоначально опубликована на английском языке в 2018 году. Широкому российскому читателю она стала доступна благодаря переводу на русский язык. См.: Узланер Д. Конец «проправославного консенсуса»: религия как новый раскол российского общества // Новое литературное обозрение. 2020. № 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe-literaturnoe-obozrenie/163_nlo_3_2020/article/22227/?fbclid=IwAR0nxYldWrx8zEBz9G-8aG4ZxSXnIKWJbcmAnAnFdgQbxbR95oTgYDs.

ликованной на английском языке коллективной монографии «Цифровое православие в постсоветском мире»⁵.

В истекшие несколько лет постепенно стали появляться медиаисследования, в которых звучат темы противоречивости публичного имиджа православного священства⁶, кризисных компонентов и неудовлетворительности приходской офлайн-коммуникации «священник — мирянин»⁷, системного мировоззренческого кризиса внутри церковного сообщества⁸. Любопытно, что даже если в проект исследования входили только задачи изучения медиапрактик какого-либо прихода или структуры священнических блогов в социальных сетях, социолог все равно неизбежно соприкасается с конфликтной и неоднозначной конкретикой православной среды.

В течение нескольких лет изучения православных медиа я неоднократно слышала от респондентов утверждение, что актуальный и открытый дискурс об РПЦ давно уже вытеснен из повестки православных профильных СМИ. Столь же часто респонденты упоминали о конфронтирующих мировоззренческих направлениях внутри РПЦ и неписаном табу на публичное обсуждение реального содержания такой конфронтации. В интервью неоднократно звучало мнение, что понятие «либерал» давно превратилось в ярлык и аларм-метку, навешиваемые произвольно на тех священников, кто отваживается публично озвучивать свою гражданскую позицию или комментировать в своем блоге остро актуальную политическую или социальную повестку РПЦ. Свое исследование я нацеливала на изучение тех православных Telegram-каналов, которые ведут открытую дискуссию о проблемах либерализации, организационного и управленческого реформирования РПЦ. И здесь меня интересовали следующие вопросы: какие социокультурные, поколенческие, профессиональные и мировоззренческие характеристики отличают среду либеральных православных телеграммеров? Каков фрейм релевантности либеральных Telegram-каналов, определяющий способ обмена информацией и содержание коммуникаций о современном православии? Каким образом коммуникативные практики отдельных каналов конструируют смысловой мир, опознаваемый другими каналами как относящийся к либеральному направлению церковного дискурса?

⁵ Suslov M. (ed.) (2016) *Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web 2.0*. Stuttgart: Ibidem Verlag. Рецензию на эту монографию с подробным аналитическим обзором статей см.: Белорусова С. Православие в интернете и интернет в православии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 407–414.

⁶ Морозов М. Е. Образ священника в средствах массовой информации // Мониторинг общественного мнения. 2016. № 6. С. 184–193. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.10>.

⁷ Богданова О. Медиатизация пастырства в Русской православной церкви: предпосылки формирования сайтов с вопросами священнику // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38. С. 207–234.

⁸ Агаджанян А. Сопrotивление и покорность. Вызовы пандемии, позднемодерные эпистемы и русский православный этос // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39. С. 12–38.

Ведущим методом своего исследования я намеренно избрала кейс-стади. Этот метод позволяет сосредоточиться непосредственно на анализе объекта изучения, а не на соотнесении объекта с некой удобной, «объективно существующей» идеологически ангажированной рамкой. Применительно к объекту данного исследования такой рамкой могло бы стать рутинно-удобное противопоставление «правых и левых», «либералов и коммунистов» и т. п. Однако в мои задачи входило открыть дискуссию по сложной и высокочувствительной теме — направления церковного дискурса о современном российском православии. А этой дискуссии, полагаю, пора бы уже сдвинуться с обочины политологических трюизмов в направлении прикладных качественных исследований православия.

1) Проведенное исследование показало, что медианиша Telegram содержит широкий ассортимент православных аналитических каналов, презентующих различные мировоззренческие направления церковного дискурса о современном православии и РПЦ. Появление первых православных каналов на платформе Telegram пришлось на 2016 год⁹. В течение последующих трех лет эта платформа была обжита большинством православных официальных СМИ. Нашли свою аудиторию в Telegram и личные блоги священников и мирян. Православные каналы различаются на аутентичные блоги в среде Telegram и те, которые представляют тот или иной православный сайт, портал или медиапроект. Последние в большинстве случаев используются их создателями для анонса-ссылки на вновь опубликованные статьи или материалы соответствующих порталов, проектов или сайтов. В числе кейсов, изученных в исследовании, примером таких является канал «Ахилла». Священнические блоги также подразделяются на те, авторы которых пишут только для своего Telegram-канала, и те, которые полностью или частично дублируют контент основного блога в Instagram, «ВКонтакте» или в Facebook. Внутри этой ниши имеется отчетливый сегмент взаимосвязанных коммуникаций по темам, релевантным для либерального мировоззренческого направления церковного дискурса.

В целевую выборку исследования вошли каналы «Православие и зомби», «Батюшка Лютер», «Темная теология», «Религия сегодня», «Ахилла». Проведенные с их авторами биографические интервью показали, что либеральный дискурс представлен преимущественно в коммуникациях акторов из поколения родившихся в конце 1970-х — в 1980-х годах. Их социализация и сложение жизненных сценариев пришлось на короткий период либерализации РПЦ. Биографические нарративы респондентов, школьная и вузовская социализация которых прошла

⁹ См.: В Telegram появились каналы православной тематики // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. <http://www.patriarchia.ru/db/text/4554693.html>.

в среде московской образованной и воцерковленной интеллигенции, обнаруживают общие коммуникативные коды принадлежности к определенной мировоззренческой нише российской церковной среды. Во всех биографических нарративах звучала тема поиска возможности объединить свои религиозно-мировоззренческие позиции с профессиональной самореализацией в церкви. Большинство респондентов располагали богатым опытом работы в церковных структурах или сотрудничества с церковными и околоцерковными СМИ, включенными в их индивидуальные медиарепертуары. Однако и в случаях выбора в пользу стези православного священника, и в случаях пути церковного журналиста поиск наталкивался на противодействие консервативной церковной среды, противившейся идейным и организационным инновациям. Невозможность реализовать жизненные сценарии, сложившиеся в периоды воцерковления и глубоких погружений в церковную жизнь, приводили респондентов к поиску альтернативных пространств с возможностью свободного высказывания и коммуницирования своего мировоззрения. Таковыми для многих стали интернет и новые медиа.

В Telegram существуют православные каналы, коммуникации которых напрямую посвящены темам либерализации РПЦ, и каналы, высказывающиеся по этим темам опосредованно — через комментарии текущей новостной повестки в либеральном ключе или участие в межканальных дискуссиях. Каналы, нацеленные узко на либеральный паттерн дискуса об РПЦ, имеют отчетливый фрейм релевантности. Селекция смыслов, релевантных их фрейму, производится в соответствии с тремя критериями — ориентированность

© Александр Дмитриев, специально для СоциоДиггера

на определенных богословов, религиозные убеждения, социальные идеи и практики. Сообразно этому фрейму в качестве релевантных для прямого обсуждения выступают следующие темы: восстановление института права в церкви, создание правовой системы с независимым судебным производством, расширение прав различных групп на участие в церковном управлении, выборность клира, финансовая отчетность, защита интересов рядового духовенства и мирян. Выборочный кейс-стади либеральных каналов показал, что их практики разворачиваются либо в логике нишевого СМИ, либо в логике блога. В обоих случаях Telegram является основным медиа в ансамбле в фигурации православного либерального дискурса. А вот привлечение дополнительных медиа зависит от коммуникативного профиля канала. В случае «Православие и зомби», позиционирующего себя в качестве «облегченного СМИ», медиаансамбль дополнен ссылками на светские цифровые журналы либеральной направленности. В случае «Батюшки Лютера», стремящегося к созданию блогосферы по релевантным либеральному дискурсу темам, превалируют ссылки на другие православные каналы.

**МИХАЙЛОВ
КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ**

кандидат культурологии, религиовед

ТРИ ОШИБКИ В РАЗГОВОРЕ ОБ «АНТИРЕЛИГИОЗНОМ АКЦИОНИЗМЕ»

Со времени процесса Pussy Riot в 2012 году художественный акционизм, нацеленный на критику церкви, кажется, не выходит из повестки медиа. У широкой публики он тоже вызывает стабильный интерес, хотя оценки таких выступлений колеблются в предельно широком диапазоне — от полного восхищения до категорической неприязни. Не отстает от общества и государство: большой ряд антирелигиозных художественных выступлений оказался объектом судебного рассмотрения и закончился приговорами. Без больших сомнений можно сказать, что перформансы и выставки, как их обозначают, «антицерковного» или «антирелигиозного содержания» стали важной частью современной российской культурной жизни — а разговоры о них приобрели столь регулярный характер, что уже сформировали определенные клише, однообразные упреки и традиционные риторические вопросы. Ниже я рассмотрю три, наверное, наиболее популярных вопроса такого рода; сравнение их позволит, я надеюсь, немного лучше понять характер современного российского акционизма и характер содержащейся в нем критики церкви.

Ошибка 1: акционизм как явление современности

Вопреки частому представлению на этот счет, художественный акционизм, включающий в себя критику религиозных идей, традиций и церковной жизни, вовсе не является чем-то принципиально новым и непривычным для искусства. Напротив, вот уже по меньшей мере три столетия, с середины XVIII века, эта тема плотно присутствует в художественном пространстве. Начиная еще с сатир эпохи Просвещения, таких как «Монахиня» Дидро с ее насмешками над мона-

стырской жизнью или «Орлеанская девственница» Вольтера с комедийным переосмыслением французского религиозного патриотизма, искусство научилось соединять критику традиции, ханжества, церковной коррупции и конформизма с юмором, острым высказыванием и толикой непристойности¹. Многие аспекты этой критики с легкостью можно было бы найти и в более ранних художественных традициях, будь то новеллы Боккаччо, проза Рабле, западная традиция карнавалов или русское скоморошество. В XIX веке критика церковной жизни в искусстве только развивалась, включая в себя авторов самого первого ряда вроде Золя или Блейка. Хотя сейчас их произведения могут восприниматься как классические, современники часто были ими шокированы: так, можно вспомнить, что «Литания сатане» Бодлера, без которой в наши дни не обойдется ни одна антология французской поэзии, после первой публикации стала предметом судебного рассмотрения, а сам Бодлер был обвинен в нарушении общественных приличий².

Дореволюционная русская культура нисколько не была чужда этому процессу: критику религиозных традиций, жизни церкви и ее сращения с государством легко найти и в классических текстах Пушкина, Толстого, Лескова, и на картинах Перова и Репина, и, конечно же, в русском авангарде, включая самые известные его произведения: так, скажем «Черный квадрат» Малевича во время первого экспонирования был расположен в красном углу комнаты, на месте, традиционно отводившемся для иконы. Реакция публики и государства на эту критику также была неоднозначной: часть классических по современным меркам произведений (как, скажем, картины Н. Ге) просто не прошли имперской цензуры, Толстой оказался в жесткой конфронтации с церковью³.

XX и XXI века добавили к уже традиционной критике церкви новые художественные приемы — использование художниками собственного тела как полотна, публичный акционизм, не ограничивающий искусство стенами музея, и многое другое. В советские времена в СССР антирелигиозная тематика в современном искусстве не была актуальна, так как антирелигиозную политику прямо проводило государство. Однако в западном искусстве тема эта появлялась постоянно и в выступлениях знаменитых венских акционистов⁴, и в американском «шок-арте»: достаточно вспомнить классический перформанс Криса Бердена

¹ См., например, Burson J. D. (2010) *The Rise and Fall of Theological Enlightenment*. University of Notre Dame Press.

² На эту тему написаны десятки статей и научных работ, как классических обобщающих (напр., М. Бахтин, *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*), так и посвященных конкретным периодам (напр., Driskel M. P. (1992) *Representing Belief: Religion, Art, and Society in Nineteenth-Century France*).

³ См., например, М. В. Москалюк. *Мировоззренческие и художественные особенности творчества передвижников: религиозный аспект*. 2006.

⁴ Badura-Triska E. (2016) *Body Psyche & Taboo: Vienna Actionism and Early Vienna Modernism*. Walther Konig Verlag.

1974 года, включавший распятие автора на автомобиле, или скульптуру убитого метеоритом римского папы, созданную Маурицио Каттеланом⁵.

С распадом СССР, прекращением атеистической политики, массовым притоком новообращенных в церкви и мечети роль Церкви в обществе начала меняться и в нашей стране. Разумеется, не могли не заметить этого и художники — а значит, критика церковных институтов быстро дала знать о себе и в искусстве, к тому же испытывающем влияние общемировых трендов. Уже в 1998 году Авдей Тер-Оганьян в рамках перформанса «Юный безбожник» разрубил на части несколько православных икон в рамках протеста против растущей клерикализации общества. В 2003 году была проведена выставка «Осторожно, религия», в 2006 — выставка «Запрещенное искусство». И там, и там экспонировались в том числе произведения искусства, затрагивавшие — как правило, в критическом ключе, — проблемы клерикализации общества. Все эти события вызвали, с одной стороны, реакцию властей в виде судебного преследования художников, а с другой — реакцию консервативной части общества. Выставка «Осторожно, религия» стала даже объектом нападения погромщиков, по их мнению, защищавших традиционные ценности⁶. Позже такие нападения на художественные выставки — в том числе и очень известных уже покойных художников, как в случае разгрома выставки Вадима Сидура православными активистами, — будут происходить неоднократно.

Резонанс столкновений между современными художниками и православной общественностью был в этих случаях гораздо меньше, чем в деле Pussy Riot или акциях Петра Павленского. Однако если широкая публика могла и не знать о большой истории церковной критики в искусстве, то художники, напротив, с этой историей хорошо знакомы. Любая попытка рассматривать деятельность того же Павленского в отрыве от истории венского акционизма или шок-арта будет обречена на неуспех: критика церкви в современном искусстве не новый и не специфически российский тренд, а общемировая идея с солидной историей.

Специфично здесь не столько современное искусство, сколько современное российское общество, которое из-за долгих десятилетий художественной цензуры в СССР до сих пор остается гораздо менее привычным к новым веяниям в искусстве, чем общество западное. Обостренная реакция на антицерковный акционизм тут, в общем, ничем принципиально не отличается от реакции на провокативное современное искусство вообще: так, скажем, летом 2021 года

⁵ Общий обзор взаимоотношений религии и искусства в западной (и не только) культуре см. Wuthnow R. (2008) *The Contemporary Convergence of Art and Religion*. In: Peter B. Clarke (ed.) *The Oxford Handbook of the Sociology of Religion*. Oxford: Oxford University Press. P. 360–74. Более подробно о шокирующих приемах в современном искусстве, затрагивающем темы религии: Politsky R. H. (1995/1996) *The Clash Between Sacred and Profane: Controversial Art and Religion in the Postmodern Era*. *Journal of Social Theory in Art Education*. No. 15/16. P. 11–98.

⁶ Общий абрис развития арт-активизма и его антиклерикальных тенденций см.: Абакутина А. Развитие арт-активизма в России 2000-х годов. URL: <https://spb.hse.ru/ixtati/news/408308378.html>.

в среде москвичей развернулась переходящая в оскорбления в соцсетях и прессе дискуссия о скульптуре Урса Фишера «Большая глина № 4», временно установленной на набережной столицы, хотя эта скульптура нарочито абстрактна и вовсе не затрагивает религиозную сферу.

Ошибка 2: акционизм как критика религии

Вторая большая проблема, связанная с анализом современного российского акционизма, состоит в постоянном рассмотрении его крайних антиклерикальных форм как антирелигиозных высказываний. Смешение антиклерикальной и антирелигиозной проблематики естественно для бытового обсуждения, но с аналитической точки зрения представляет собой серьезную ошибку. Понятнее эта идея станет, если взять в качестве примера самую известную антиклерикальную художественную акцию последних трех десятилетий — панк-молебен Pussy Riot «Богородица, Путина прогони» 2012 года. Общий абрис событий достаточно известен, чтобы не было необходимости о нем напоминать, однако интересно взглянуть на выступление с точки зрения религиоведения⁷.

Перед нами встает сразу два вопроса. Во-первых, является ли панк-молебен антиклерикальным произведением, то есть включает ли он в себя критику церкви как социальной институции? Ответ на этот вопрос вполне очевиден: да, безусловно. В тексте песни прямо содержатся инвективы в адрес патриарха Кирилла, а образ церкви в целом явно неcomplimentary: она обвиняется в сращении со спецслужбами, стяжательстве, потворстве преследованиям инакомыслящих. Решительно ничего в критике стяжательства не ново: сходные высказывания в адрес церкви известны в русской культуре даже не с XIX века, а со времен стригольников и их антиклерикальной критики в XIV веке. Обвинения в сотрудничестве церкви со специальными службами, будь то жандармский корпус до революции или КГБ в советские времена, тоже хорошо известны уже добрых два столетия. И обвинения эти так же (и даже больше) скандализировали консервативные круги, как и в наши дни. В этом смысле Pussy Riot продолжают долгую линию борьбы против обмирщения, бюрократизации и обогащения церкви.

Во-вторых, является ли панк-молебен антирелигиозным или антихристианским произведением? В этом случае ответ будет уже далеко не так очевиден. Разумеется, сама форма произведения включала в себя нарушение церковных традиций (что естественно исходит из стилистики панк-культуры, в принципе

⁷ Нашумевшему выступлению посвящено немало публикаций. Среди религиоведческих анализов стоит обратить внимание на: Узланер Д. Дело «Пусси райот» и особенности российского постсекуляризма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delo-pussi-rayot-i-osobennosti-rossiyskogo-postsekulyarizma>.

не терпящей традиционности). Однако при всем том произведение имело форму необычного, но молебна, и найти в нем какие-то негативные оценки Богородицы, которой панк-молитва была адресована, не получится. Выступая против церкви, Pussy Riot однако не выступали против религии — как не делали этого и их многочисленные предшественники, критиковавшие стяжательство и конформизм духовенства, скажем, Пушкин в «Сказке о попе и работнике его Балде» или Толстой в «Воскресении».

Сходные тенденции несложно заметить и во многих других художественных акциях, устроенных в России в последние два десятилетия: критика церкви может быть очень жесткой и часто оказывается таковой, но она не отрицает религиозные идеи, а часто даже обращается к ним — как, например, в известной акции П. Павленского «Шов», когда художник стоял в пикете перед Казанским собором с зашитым ртом и плакатом, обращающим зрителей к цитате из Евангелия от Матфея⁸.

Интересно, что в России очень мало представлен собственно антирелигиозный, атеистический художественный акционизм, довольно обычный для современного западного мира. Напротив, российские художники, как правило, относятся к духовному миру и философским религиозным ценностям с вниманием, концентрируясь на том, что представляется им недостатками людей и институтов, а не учений в целом.

Ошибка 3: акционизм как чистая политика

Не меньшей ошибкой, однако, было бы воспринимать акционизм и в еще одном ключе, популярном в российских медиа и общественных дискуссиях: как чисто политическое заявление.

Безусловно, политический фактор в современном российском искусстве достаточно заметен. Это неудивительно. Во-первых, искусство в принципе всегда реагирует на политические процессы, а для российского искусства со времен передвижников политика была вопросом важнейшим. Во-вторых, на протяжении последних двух десятилетий пространство политической дискуссии и активности в России ощутимо сокращается. Невозможность открыто высказать политическую критику в публичном пространстве — на экране телеканала, городском митинге, на страницах прессы, как и набирающая силу тенденция к ограничениям свободы слова в интернете, неизбежно приводит к тому, что пространством политического самовыражения становится искусство в самых разных его формах.

⁸ Ряд интересных наблюдений на этот счет можно найти в эссе Ивана Соколова «Современное/религиозное»; российский антиклерикальный арт-активизм упоминается в третьей части (URL: <http://aroundart.org/2016/03/04/sovremennoe-religioznoe-chast-iii/>).

В этом смысле яркий художественный акционизм не отличается принципиально от, скажем, граффити на стенах. Ожидать иного было бы тем более странно, что художники уже в силу своей деятельности особенно чувствительны к ограничениям свободы самовыражения: по известному выражению Блока, поэта убивает не пуля, а «отсутствие воздуха»⁹.

Справедливо будет сказать, что в ряде случаев антицерковный арт-акционизм представляет собой в принципе не столько антицерковные, сколько оппозиционные высказывания. Церковь возникает в них в общем ряду с властными институтами, к числу которых она художниками причисляется — очень характерно, скажем, что и Pussy Riot, и Павленский, и Лена Хейдиз, и многие другие современные художники-акционисты уделяют в своей критике столько же внимания КГБ/ФСБ, сколько и РПЦ. Можно много и плодотворно дискутировать о том, насколько Русская православная церковь в действительности плотно связана с государственным аппаратом, однако в рамках создаваемых современным российским искусством картин мира Московская патриархия, Администрация президента и спецслужбы связаны друг с другом неразрывно.

Не следует ли в таком случае просто рассматривать художественный акционизм как форму политического высказывания? Именно так он нередко считывается и провластными, и оппозиционными кругами. Однако этот взгляд, как мне представляется, был бы радикальным упрощением. Как уже было сказано раньше, деятельность российских акционистов представляет собой продолжение долгой линии развития современного искусства. В российских условиях ситуация художников дополнительно осложняется консервативностью церковных запросов. Если в архитектуре, росписях, обстановке католических и тем более протестантских храмов в наши дни обращения к современному искусству давно уже не редкость, церковное искусство в России остается ориентированным на прошлое. Это средневековые архитектурные образцы, росписи в духе академизма XIX века, иконопись, совмещающая древнерусские, византийские и те же академические, классицистические подходы. Разумеется, с точки зрения многих современных художников все это выглядит безнадежно устаревшим¹⁰. Однако почти никакого шанса попасть со своими инсталляциями в церковную ограду легально для российских художников не существует.

Как и всегда в истории искусства, ответом на ограничение становится открытый протест — как это было во времена передвижников, авангардистов, во времена «Бульдозерной выставки». И даже не будучи искусствоведам можно уверенно

⁹ Блок А. О предназначении поэта.

¹⁰ Характерный пример такой критики со стороны архитекторов см. в статье «Величие, сказочность, утилитарность»: почему в России сложно построить современную церковь. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/pochemu-v-rossii-slozhno-postroit-sovremennuyu-cerkov>

предположить, что российский акционизм 2000—2020-х годов попадет в учебники по истории искусств, которые будут написаны через полвека или век. Однако с религиозоведческой и социологической точки зрения делать такие обобщения невозможно — а требуется лишь сказать, что современные антиклерикальные художественные акции, перформансы и выставки представляют собой нечто большее, чем просто дань скоротечной моде или протест против церковных или светских властей. Это сформировавшееся движение, в яркой (иногда до провокации) форме выражающее настроение целого поколения художников — а значит, и их зрителей.

В рамках современного искусства произведение и может существовать только во взаимодействии творца и общества¹¹. Будет ли следующее произведение еще жестче, еще бескомпромисснее? Окажется ли оно критикой власти, церкви, общества, самого искусства? Ответ на этот вопрос зависит в таких условиях не только от художника, но и от зрителя — тем более, увы, если этот зритель облечен правом выносить не только бытовые и художественные, но и юридические суждения.

© Александр Дмитриев, специально для СоциоДиггера

¹¹ Живой классик современного искусства и ориентир для многих российских авторов сербская художница Марина Абрамович говорит так: «Я работаю с моей публикой — и публика это чувствует. Мы создаем общее произведение. Перформанс без публики — это не произведение искусства. Перформер и его публика — это одно целое». Из интервью Л. Горалик с М. Абрамович, 2012 год. URL: http://bg.ru/entertainment/marina_abramovich_est_dve_veschi_kotorye_vsegda_otdajut_durnovkusiem_svechi_i_jajtsa-15727/.

**МЕЛЬНИКОВ
АНДРЕЙ ЛЬВОВИЧ**

ответственный редактор «НГ-религии»,
приложения к «Независимой газете»

РЕЛИГИЯ, ВЕРУЮЩИЕ, ПРАВОСЛАВИЕ В ЗЕРКАЛЕ СМИ

От приглашенного редактора номера Романа Лункина

Журналистский взгляд на Русскую православную церковь и на самопрезентацию всех религиозных объединений в публичном пространстве всегда намного более критичен, чем взгляд ученого. Это вполне естественное явление, исходящее из самой природы массмедиа. Один из ведущих журналистов страны по религиозной тематике Андрей Мельников очень точно выделил целый ряд болевых точек, связанных с православием, с заявлениями и действиями руководства РПЦ. Это проблемы самозащиты Церкви от различных нападков на нее, но с использованием силы государственного аппарата, это конфликты вокруг недвижимости и финансов, проявления милитаристской риторики и символики, а также возникновение отдельных фундаменталистских групп, ультраконсерваторов, псевдостарцев в церковной среде, пугающих широкую общественность. Все эти темы обсуждаются в печатных и электронных СМИ, в социальных сетях. С одной стороны, данная картина образов РПЦ в массмедиа не отражает ее реальной жизни, часто даже официальная позиция Церкви совсем не такая, как об этом говорят и пишут журналисты. Как в случае с екатеринбургским «старцем» Сергием Романовым обществу и СМИ удобно видеть в нем позицию РПЦ, хотя он оказался маргиналом. С другой стороны, от этого потока новостей никуда не деться, он объективно отражает страхи и надежды общества, связанные с Церковью как институтом. Кроме того, этот поток в изложении маститого журналиста снимает завесу лишнего пафоса с медийной повестки РПЦ.

В том, как Русская православная церковь (РПЦ) предстает в негосударственных СМИ, нет ни намеренного искажения, ни злого умысла. Любое явление в СМИ показывается как череда наиболее ярких информационных моментов. Церковь не исключение. Из всего потока новостей можно выделить несколько ключевых направлений, которые и формируют устойчивый образ церкви.

Авангард репрессивных практик

Вокруг театра «Современник» в июле с. г. разгорелся скандал, на первый взгляд, не имеющий отношения к религиозной жизни, однако корнями уходящий в историю взаимоотношения клерикалов и общества. Общественная организация «Ветераны России» обратилась в Следственный комитет с жалобой на спектакль «Первый хлеб». Ветераны обвинили театр и актеров в оскорблении участников военных действий.

Эта традиция обижаться на художественное высказывание и обращаться за защитой в правоохранительные органы возросла на церковной почве: начало положено акцией Pussy Riot в храме Христа Спасителя в 2012 году. Обнаружив, что кампания по защите святынь от девушек в балаклавах увенчалась успехом, служители РПЦ решили распространить за церковную ограду репрессивную практику во взаимоотношениях с людьми искусства. В 2015 году нашумела история с запретом постановки «Тангейзера» в Новосибирском театре оперы и балета. Тогда с протестами против «кошунства» выступила именно епархия РПЦ. Были еще скандалы вокруг фильма «Матильда», но в этот раз «обиженной» стороной оказались так называемые православные активисты. Московский патриархат внешне отмежевался от общественных ревнителей монархических и религиозных чувств, но затеял собственную пропагандистскую кампанию в пользу мнения о «нравственной чистоте» Николая II. Не связать кампанию давления и рекламные плакаты РПЦ в пользу последнего российского императора может только слепой. Православные активисты также атаковали постановку «Идеального мужа» в МХТ и выставку работ Вадима Сидура в Манеже. В сентябре 2021 года Министерство культуры отозвало прокатное удостоверение у фильма Пола Верховена «Искушение», на который пожаловалось православное движение «Сорок сороков»¹.

Идея закона о чувствах верующих РПЦ, с одной стороны, инициировала кампании против культурных событий, внедряя элементы клерикальной цензуры,

¹ Минкультуры отказало в прокате фильма Верховена «Искушение» после жалобы лидера движения «Сорок сороков» // Новая газета. 18.09.2021. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/18/minkultury-otkazalo-v-prokate-filma-verkhovena-iskushenie-posle-zhaloby-lidera-dvizheniia-sorok-sorokov-news>.

во-вторых, открыла дорогу для широкого применения репрессивных практик в отношении деятелей искусства².

Массовая церковная застройка

9 августа 2021 года в новостных агентствах появилось сообщение, которое позволяет понять, как РПЦ расставляет приоритеты в социальной сфере. В московском районе Измайлово в следующем году будет сдан в эксплуатацию храм Казанской (Песчанской) иконы Божьей Матери. Важно, что он построен на месте бывшего детского сада, и даже с использованием конструкций здания социального назначения.

Массовое возведение церквей в некоторых случаях тоже сопровождается скандалами и протестами общественности. Самые громкие истории сопротивления храмостроительству были отмечены в Москве и Екатеринбурге. В столичных районах Торфянка и Ходынское поле местные жители не давали развернуть строительные площадки. Для разгона недовольных в точки конфликта прибывали молодые люди спортивного вида.

Едва ли не самая конфликтная ситуация создалась при попытках начать возведение храма Святой Екатерины в сквере у екатеринбургского Драматического театра в 2019 году. Противостояние жителей и экологов с православными активистами и местной епархией удалось погасить только после того, как в ситуацию вмешался президент Владимир Путин. В Екатеринбурге был проведен опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), по итогам которого выяснилось: 74% горожан уверены, что место для возведения церкви выбрано неудачно³.

Массовое строительство православных храмов и широкое оповещение общественности об успехах храмостроительства РПЦ превратилось в вечный раздражитель для мусульман, которым не хватает мечетей — прежде всего в Москве, но и в других регионах тоже. В августе 2021 года заместитель председателя Духовного управления мусульман РФ Дамир Мухетдинов заявил⁴, что, если бы в регионах было достаточно домов молитвы для мусульман, не случались бы массовые драки между представителями диаспор. Он упоминает столкновения последних месяцев: 17 мая в подмосковном Красногорске, драку 17 июля выход-

² Патриаршество Кирилла: десять лет спустя // Независимая газета. 27.01.2019. URL: https://www.ng.ru/editorial/2019-01-27/2_7492_red.html.

³ Аналитический обзор ВЦИОМ «Город и храм: опрос ВЦИОМ в Екатеринбурге» от 22.05.2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gorod-i-khram-opros-vcziom-v-ekaterinburge>.

⁴ Ждем новых нападений или даем добро на строительство мечетей? URL: <https://www.facebook.com/damir.mukhetdinov/posts/4354266591285808>.

цев из Средней Азии и Северного Кавказа в подмосковной Апрелевке, 6 августа более 3 тысяч мигрантов устроили массовую драку в подмосковном городе Одинцово, а в Мытищах произошла перестрелка с участием десятков мигрантов. По мнению Мухетдинова, только религиозная работа способна умиротворить общины приезжих. Особое недовольство исламских деятелей вызывает то, что в парке «Патриот» появился главный храм Вооруженных сил, а планов возвести рядом мечеть нет.

Церковная элита и паства, лоялизм и убежденность

Пандемия коронавируса показала дистанцию между церковной администрацией и верующими. Это выражается в распространении среди верующих ковид-диссидентства в противовес позиции священноначалия, поддерживающего санитарные предписания руководства регионов. Самое крупное «движение сопротивления» подавлено. Бывший схимонах Сергей (Романов) в заключении и ожидает суда. Его сторонники вытеснены из Среднеуральского монастыря в результате серии спецопераций силовых структур. Епархия работает над регистрацией строений «раскольников» в свою собственность. Как и в предыдущих случаях, административный ресурс оказался сильнее, чем радикальное религиозное чувство, которое ставит верность идее выше повиновения начальству.

При этом церковная элита непоследовательна в своей позиции. 11 марта 2020 года Синод РПЦ принял определение, в котором есть такие строки: «Мы призываем к сдержанности, сохранению трезвомыслия и молитвенного спокойствия, обращаем внимание на то, что верующему человеку не следует поддаваться панике и страхам, связанным с распространением непроверенной информации об инфекции». Некоторое время представители РПЦ выступали с уверениями, что празднование Пасхи-2020 пройдет как обычно. Но уже в конце апреля, когда на уровне субъектов РФ начали принимать карантинные меры, патриарх Кирилл убеждал, что спасение души возможно вне храма. И церкви были закрыты для прихожан.

Даже своим личным примером патриарх показал, насколько ситуативен подход церковного истеблишмента к внешним вызовам. Можно сказать, что начиная с весны 2020 года основное время он проводит в изоляции в Александро-Невском скиту в Переделкино. Свое затворничество глава РПЦ прервал летом 2020 года, когда потребовалось участие в мероприятиях, связанных с голосованием за поправки к Конституции и празднованием 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, и еще в нескольких случаях. Весной 2021 года патриарх неожиданно заявил, что через причастие вирус не передается, и среди дьяконов нет умерших от заболевания. То есть вернулся к тому исходному пункту, с которым

выступали ковид-диссиденты в начале карантинной эпопеи. При этом очевидно, что слова главы РПЦ о неязвимости священнослужителей перед инфекцией не соответствуют действительности.

Отмечались некоторые попытки епископов «на местах» отражать пренебрежительное отношение верующих к опасностям пандемии. Поведение бывшего саратовского митрополита Лонгина (Корчагина) — один из примеров того, как епископ отказывается подчиниться властям и закрывать храмы, когда на это уже пошел патриарх. В августе 2020 года закончилось его девятилетнее правление Саратовской митрополией, он был переведен в бедствующую Ульяновскую область. А ведь Лонгин выступил отчасти в интересах рядового духовенства, которому закрытие храмов сулило падение доходов. Митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл (Наконечный) в апреле 2020 года призывал «наполнить храм молитвой» вопреки предостережениям санитарных властей. В декабре того же года он перебрался в Казань по воле Синода. Из возмутителей спокойствия во время карантинной весны на своей кафедре остался только епископ Сыктывкарский Питирим (Волочков): дальше Воркуты не сошлют.

Руководство РПЦ использовало такой действенный инструмент борьбы с самостоятельными иерархами, как перевод на другую кафедру. Кадровая чехарда под дирижирование главы РПЦ происходит так часто, что нельзя не сделать единственно возможным вывод: гарантией благополучия епископа служит послушание начальству, а не связь с верующими.

«Вторая волна» самостоятельности РПЦ случилась 8 июля 2021 года, когда губернатор Свердловской области Евгений Куйвашев объявил об отмене традиционного шествия верующих на Царские дни. Екатеринбургский митрополит Евгений (Кульберг) заявил в ответ: «Традиция народного шествия от Храма на Крови до Ганиной Ямы переросла рамки так называемых мероприятий и стала для десятков тысяч людей священной. И нынче люди пройдут по святому пути — это очевидность. В нынешней эпидемической ситуации не может быть идеальных решений. Каждый самостоятельно находит баланс между мужеством и страхом, ответственностью и смелостью, осторожностью и дерзновением. Я однозначно пойду!»⁵

Крестный ход прошел, и в нем принял участие митрополит Евгений, однако власти предпочли сделать вид, что ничего не было. Демарш митрополита показал, что власти и РПЦ пытаются балансировать на грани предельного лоялизма и показной самостоятельности.

⁵ Фаустова М. Перекрестный ход митрополита и губернатора // Независимая газета. 20.07.2021. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2021-07-20/9_511_governor.html.

Милитаризация официального христианства

К числу дискуссионных вопросов, характеризующих отношения церкви и государства, относится милитаризация христианства. Это позволяет встроить религию в нарастающую тенденцию повышения роли идеологии. Символом этого явления стал уже упоминавшийся главный воинский храм в парке «Патриот». И убранство храма, и особенности совершающихся в нем богослужений позволяют некоторым критически настроенным обозревателям заявлять, что воинский собор воплощает не столько христианское начало, сколько формирующийся синкретичный гражданский культ, в котором православие смешано с многосоставной патриотической идеологией. Отметим, что, когда мусульмане заговаривают о необходимости добавить к храму мечеть, они тоже готовы встроиться в военно-патриотическую парадигму. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне ДУМ РФ разработало особую символику, где смешались элементы увековечивания воинской славы разных эпох⁶.

К проблеме милитаризации церковности относится и дискуссионная тема освящения оружия. На заседании пленума Межсоборного присутствия в мае были обсуждены и одобрены проекты документов, среди них «О благословении православных христиан на исполнение воинского долга». Окончательный текст для общего ознакомления появится только после того, как будет рассмотрен на Архиерейском соборе, который назначен на ноябрь 2021 года. В новом тексте якобы не будет упоминаться оружие массового поражения (ОМП).

* * *

Русская православная церковь находится в промежуточном статусе — это влиятельная общественная организация, представляющая широкие слои населения, и одновременно что-то вроде госучреждения по продуцированию идеологии, но здесь уже ее влияние определяется административным ресурсом. Однако ни в одной, ни в другой ипостаси Московский патриархат не может раскрыться полноценно. Как общественная организация церковь отстает от требований времени, а как госорган она неполноценна в связи с правовыми ограничениями.

Промежуточное состояние приводит к фрустрации, которая компенсируется за счет поиска внешних недоброжелателей. В этой роли на первый план для РПЦ выходят немногочисленные независимые средства массовой информации (государственные СМИ работают в полном контакте с соответствующими службами патриархии). Любое отклонение от комплиментарного освещения событий в религиозной жизни вызывает недовольство. В той или иной мере все сказанное выше относится к большинству религиозных организаций страны.

⁶ Духовное управление мусульман РФ создало символ мусульманского вклада в Победу в войне // ТАСС. 05.05.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8401407>.

**ЧАПНИН
СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ**

главный редактор альманаха
современной христианской культуры «Дары»

ПРАВОСЛАВНАЯ ОБЩИНА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Внешний взгляд на религиозную жизнь предполагает, что есть два основных модуса выражения религиозности: религия как исключительно личное дело граждан и религиозная община как организованное сообщество, публично заявляющее о своих общественно-политических интересах. Однако при таком подходе ускользает еще одно крайне важное измерение религиозной жизни — община. Какое место она занимает в жизни Православной Церкви и можно ли утверждать, что именно община может эффективно взаимодействовать с институтами гражданского общества?

В православной традиции для обозначения локального религиозного сообщества используются два понятия — «приход» и «община». Первое обозначает всех прихожан храма и носит более формальный характер. Другими словами, приход — это все, кто приходят в конкретный храм вне зависимости от того, насколько активно они вовлечены в приходскую жизнь. На церковном сленге используется шутовое описание этой проблемы: есть *прихожане* — это те, кто активно участвует в жизни прихода, и *захожане*, которым достаточно просто зайти в храм, помолиться, поставить свечку, написать записку, и все.

Община — это более обязывающее понятие. Оно предполагает осознанное участие в жизни прихода и понимание того, что жизнь христианской общины не может быть ограничена только богослужением и молитвой. Обязательно должна быть «литургия после литургии», то есть такое служение христиан, которое выходит за пределы храма и решает просветительские и социальные задачи.

В последние годы о православной общине сказано немало важных и правильных слов. Однако произносят их обычно в узком кругу — на богословских конференциях, в официальных церковных речах, изредка об общине вспоминают в религиоведческих исследованиях и социологических опросах. Можно ли где-то увидеть эту загадочную православную общину? И почему она превратилась в ускользающую реальность?

Казалось бы, община должна быть в каждом православном храме. Если открыт древний храм или построен новый, то в нем непременно соберется община — группа прихожан, которые регулярно ходят на богослужения, объединены вокруг священника и ведут совместную просветительскую или благотворительную деятельность. Можно предположить, что в спальном районе большого города община будет большой, а в крохотном селе — очень маленькой. Можно также предположить, что большой городской приход может стать важным, если не ключевым элементом в формировании гражданского общества.

Первое предположение действительно верное. Приходы бывают очень разные: большие (даже огромные) и совсем крошечные, обреченные на вымирание вслед за неминуемым вымиранием села.

Второе предположение не столь очевидно. С одной стороны, да, любое объединение, проявляющее себя на местном уровне, так или иначе вовлекается в решение локальных задач, преимущественно социальных. Однако в городах территориальное измерение прихода во многом утрачено и вряд ли может быть восстановлено в обозримом будущем.

В Российской империи и в подавляющем большинстве православных стран каждый приход — это в том числе и территориальная община. В храм ходят люди, живущие рядом с ним. В современной России ситуация иная — в храм могут ездить из другого конца города. Эта традиция сложилась в советское время, когда действующих храмов было крайне мало и у православных христиан стихийно возникла практика посещения храмов вдалеке от дома и работы — где не узнают и не донесут, что ты верующий.

Даже сегодня, спустя тридцать лет после падения атеистического государства, переломить эту традицию невозможно. На практике это означает, что локализация городского прихода довольно условная. Однако в этом есть не только минусы, но и плюсы. Община может выбирать, какой вид служения ей более подходит: прихожане могут отправиться на другой конец города, чтобы помочь детскому дому, или приехать в центр и на вокзале кормить бомжей и т. п.

Для самих прихожан главный мотив — это стремление помочь ближним. Такая помощь становится важной и неотъемлемой частью христианского образа жизни.

Община, члены которой вместе участвуют в таинстве Евхаристии и затем в различных формах проповеди, миссии и свидетельства внешнему миру, становится Церковью в подлинном смысле слова.

Однако на этом пути у общины-прихода есть серьезные препятствия. РПЦ поставлена перед сложной дилеммой: церковные реформы патриарха Кирилла захлебнулись. В последнее десятилетие они стали драйвером развития прежде всего церковной бюрократии, и именно ее интересы отражаются в определении путей дальнейшего развития.

В церковно-бюрократической перспективе приход превратился из собрания православных христиан в низовой элемент административно-управленческой системы. Настоятель мыслится не столько как пастырь и проповедник, сколько как менеджер, призванный обеспечить идеологическую лояльность прихожан, правильную отчетность и собираемость «церковного налога» для патриархии. Это те критерии, по которым оценивают деятельность настоятеля.

Епископат и укрепившаяся вокруг него церковная бюрократия прекрасно понимают, что послушный настоятель будет важным инструментом удержания власти в руках нынешней иерархии, поэтому церковная власть крайне ревниво относится к любым центрам активности. Духовные лидеры больших общин получают власть и влияние в силу своего харизматического, неформального авторитета среди прихожан. И порой такая неформальная власть может быть значительно выше, чем власть епископа, и может распространяться далеко за пределы епархии или города, где такой священник служит.

В результате реформ сложилась парадоксальная ситуация. Патриарх Кирилл резко увеличил количество епископов и епархий, чтобы они были «ближе к народу». Однако молодые епископы стали использовать свою власть для того, чтобы затормозить развитие приходской жизни. Даже древние нормы церковного права получают новые интерпретации с одной целью — утвердить безусловную власть епископата над духовенством, над приходами и монастырями.

Между тем главным импульсом развития церковной жизни и главным направлением церковных реформ должно быть переосмысление роли и места общины в церковной жизни.

Предпоследний председатель Совета по делам религии СССР Константин Харчев несколько лет назад произнес парадоксальные, но по-своему очень точные слова: «Кризис Церкви неминуем, и он произойдет по аналогии с кризисом Коммунистической партии. Кризис партии стал неминуем, когда весь центр тяжести партийной жизни был перенесен на высшие руководящие органы. Роль первичных организаций была сведена к минимуму, собрания первичных организаций стали

формальными. Никаких серьезных решений они не принимали. Само участие в собраниях первичных организаций превратилось в отбывание повинности. То же самое происходит и с Церковью. Патриарх и епископат слабеют, отказываясь от реальной опоры на приходы. Церковные власти, и даже церковная бюрократия будут сильны только тогда, когда будут пользоваться поддержкой приходов и монастырей»¹.

Это вполне возможно, но они должны решиться на опасный для себя шаг — передать часть своей власти приходам, дать им права широкой автономии.

Сегодня приходское самоуправление находится в подавленном состоянии. Миряне практически бесправны перед лицом церковной бюрократии. Священники, как уже было сказано, бесправны перед лицом своих епископов. При этом патриарх снисходительно относится к злоупотреблениям властью со стороны епископов и крайне неохотно соглашается передавать такие дела в церковный суд. Практически нет примеров, чтобы епископы были публично наказаны или хотя бы отчитаны патриархом за неподобающее поведение в отношении священников.

Однако кризис приходской общины связан не только с этим. Практически не описана и не рассматривается еще одна проблема: формирование индивидуальных практик исповедания веры. Стремительно растет круг людей, которые выбирают не общинное, а индивидуальное исповедание веры. Они остаются православными христианами и даже членами РПЦ, но сознательно ограничивают свое участие в жизни общины только богослужением — пришли, помолились и ушли. Во многом это связано с разочарованием в том типе приходской жизни, который сложился за годы «церковного возрождения».

Десять лет назад православным россиянам был задан вопрос об участии в приходской жизни². Почти половина опрошенных православных (44 %) заявили, что не только не участвуют, но и не хотят участвовать в приходской жизни. Активно участвует лишь 1 % опрошенных.

При этом женщины чаще мужчин принимают участие в жизни прихода, а наибольшую активность в приходской жизни проявляют жители Центрального федерального округа и москвичи. Несколько чаще, чем в среднем, в приходской жизни принимают участие служащие и респонденты в возрасте от 55 до 64 лет.

Чуть меньше трети православных респондентов (28 %) хотели бы участвовать в приходской жизни, но по каким-либо причинам не имеют такой возможности. Чаще всего среди них встречаются жители небольших городов с населением

¹ Из архива автора. Беседа автора с К. М. Харчевым 20 июня 2018 года.

² Приходская жизнь. Полевые исследования Фонда «Общественное мнение» и Омнибус-Пента по заказу Исследовательской службы «Среда». URL: <https://sreda.org/opros/31-prihodskaya-zhizn>.

от 50 до 250 тыс. человек, имеющие детей, неработающие пенсионеры и респонденты, считающие себя счастливыми.

Не желают участвовать в приходской жизни чаще люди старше 65 лет (27%), жители крупных городов за исключением Москвы (29%) и семьи с одним ребенком (26%).

В частных беседах о разочаровании в приходской жизни говорят не только миряне, но и священники. Возможно, эта тенденция будет одной из определяющих в формировании современной религиозности. Дружных, активных общин крайне мало. Многие прихожане уже сталкивались с тем, что священника за малейший проступок, а то и без каких-либо объяснений, могут перевести с прихода на приход. Чтобы сохранить священника, состоятельные прихожане постоянно собирают деньги не только на «церковный налог», который устанавливается епархией без каких-либо консультаций с прихожанами и часто превышает их финансовые возможности, но и на «особый конверт» благочинному или епископу, чтобы любимого священника не трогали.

В такой ситуации довольно сложно сохранить не только лояльность коррумпированной церковной власти, но и саму веру. Есть те, кто уходит из Церкви — это и миряне, и монахи, и священники. Есть те, кто выбирает иную стратегию — стремится остаться в Церкви, но предельно минимизировать свои контакты с церковной бюрократией.

Будущее традиционного прихода сегодня находится под угрозой. Поддержать и укрепить его можно только в результате серьезного переосмысления роли и места приходской общины в церковной жизни.

Однако программа реформ для Православной Церкви все еще не написана, хотя ее основные контуры не раз обсуждались и уточнялись. В XX веке грандиозная попытка системных реформ была предпринята на Всероссийском Поместном соборе 1917—1918 годов. К сожалению, воплотить эту программу не удалось — уже в 1918 году на Церковь начались гонения, работа собора была прервана и большая часть решений предана забвению. Спустя несколько десятилетий в эмиграции родилось новое направление богословских исследований — евхаристическая экклезиология, поставившее локальную (поместную) общину, которая участвует в Таинстве Евхаристии и раскрывается в ней, в центр жизни Церкви. Но несмотря на новые теоретические разработки и отдельные примеры успешных больших общин, общий кризис преодолеть не удалось.

Тем не менее первые шаги вполне очевидны, они связаны как с просвещением, так и с демократизацией приходского управления:

- ⇒ крещение как Таинство вхождения в Церковь перестанет быть формальным ритуалом, будет тесно связано с научением основам веры и введет нового члена Церкви в конкретную общину;
- ⇒ миряне получат право голоса при решении всех вопросов, касающихся приходской жизни, включая возможность выбора настоятеля и, например, выбора языка, на котором совершается богослужение;
- ⇒ церковный бюджет всех уровней перестанет быть тайной за семью печатями и будет обсуждаться на приходских собраниях в тех храмах, которые достаточно состоятельны, чтобы вносить существенный вклад в епархиальный и общецерковный бюджет;
- ⇒ роль епископа будет ограничена вопросами вероучения и координации деятельности приходов и монастырей между собой, а также с иными епархиями, государственными и общественными организациями.

Трудно сделать прогноз, когда эти перемены станут возможны. Однако даже если кризис церковной жизни будет углубляться, из всех церковных структур именно общины сохранят наибольший запас прочности.

**БЕЛАНОВСКИЙ
ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ**

руководитель Добровольческого движения
«Даниловцы»

О КРИЗИСЕ ПОДПОРОК ДЛЯ ВЕРЫ, О КРИЗИСЕ ЦЕРКВИ (ЗАМЕТКИ)

От приглашенного редактора номера Романа Лункина

Комментарий Юрия Белановского можно назвать «криком души» человека, который хорошо знает изнутри правила церковной жизни и который сам принимал участие в создании первых добровольческих проектов в РПЦ. Его восприятие отражает мнение значительной части общественных активистов, прихожан, которые делают культурные или социальные проекты на приходском или епархиальном уровнях. Это взгляд обычного волонтера с улицы на иерархию, на церковные правила, на общину, на проблемы с взаимным доверием. Кроме того, важно увидеть, в каком информационном пространстве происходит то, что Белановский называет «кризисом церкви». Многие не стали бы, возможно, высказываться столь резко и эмоционально. Однако именно такая форма выражения своих надежд и разочарований способна дать максимально полное представление о церковно-общественных проблемах в социальной сфере. Юрий Белановский с 2002 по 2012 год работал заместителем руководителя Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи, стал постоянным автором одной из массовых газет «Аргументы и факты», экспертом по благотворительности и социальному служению РПЦ. Движение «Даниловцы» отпочковалось от Церкви и стало самостоятельным, в том числе в силу несогласия автора со стилем церковного управления и с приоритетами РПЦ в осуществлении социальной деятельности. Как отмечал Белановский, «после советской партийности, единообразия, идеологизированности нашему обществу предстоит еще многое пережить, прежде чем появятся настоящие христианские общины»¹.

¹ Юрий Белановский: Может ли Церковь служить обществу? // Аргументы и факты. 29.11.2010. URL: <http://www.aif.ru/society/22090>.

Сейчас такое время, когда информационная открытость и прозрачность — это даже не норма, а сама жизнь. Все привыкли к просмотру чужой жизни и демонстрации своей, привыкли к участию в чужой судьбе и к соучастию сторонних людей в своей. Все это подарили нам интернет и социальные сети. На самом деле не важна мера и глубина взаимной открытости. Важно, что эта открытость реальная, пусть и в чем-то напускная и приукрашенная. Всем все видно и при нехитром размышлении понятно. Прозрачной стала и православная жизнь.

В былые времена обычный верующий человек жил фактически в информационном вакууме. Он ходил в свой храм, знал священника. Читал благочестивые книги. Раз в год или реже видел епископа. О жизни епархии почти ничего не знал. О жизни своей церкви как большой организации — ничего не знал. О жизни других церквей, к примеру Константинопольской, — совсем ничего не знал.

Сегодня, как на ладони, мы видим не только жизнь окружающих нас людей, но и священников, и церковной иерархии, и жизнь Русской православной церкви как организации, и жизни других поместных церквей.

О кризисе церкви и церковности

Не в пересказе или интерпретации кого-то, а своими глазами я вижу, что никакого единства среди православных церквей нет. Национальные церкви на фоне популярного и вполне объективного ныне космополитизма (и тем более на фоне уранополитизма) непонятны даже сами по себе. К чему все эти «я принадлежу русской церкви», «я принадлежу украинской» и прочее? Разве разделился Христос?

Но перед нами другое, худшее! Территориальные, политические, национальные и бизнес-интересы церковных иерархов и политиков превзошли заповедь Христа о единстве. Церкви враждуют и не признают друг друга! Стало ясно, насколько поверхностное влияние имеет Евангелие в отношении церквей.

Когда-то, в начале 1990-х годов, я прочитал статью известного богослова священника Александра Шмемана о национальных церквях, где говорилось об этом чудовищном для христианского мира переломе, когда территориальность была заменена национальностью вопреки свидетельству апостола, что во Христе (для единства с Ним и жизни с Ним) нет ни эллина, ни иудея, а от себя добавлю: ни русского, ни украинца, ни немца, ни китайца.

Четверть века назад такой разговор был предметом только научного дискурса. Теперь же межцерковная вражда льется на нас из каждого экрана и интернет-ресурса. Вот на днях «Первый канал» промывал мозги гражданам, утверждая в них неприязнь к другим церквям и называя, к примеру, Константинопольского патриарха самозванцем.

Как можно доверять тем, кто разделенность ставит выше единства, заповеданного Христом?

Что же еще показала мне открытость? Все вдруг узнали, что представляет собой церковная иерархия. Буквально. Узнали, что иерархи церкви делают, что они говорят, что думают, что едят, с кем спят. Возникло недоумение, которое можно выразить современным мемом: «Кто все эти люди?» Почему они правят церковью? И эти люди учат нас христианской жизни? И еще слишком часто хочется сказать: «Боже, что они несут (говорят)?» В лучшем случае многие их слова — это какие-то слащавые банальности. Порой это дешевые ереси. В худшем варианте — несусветный бред напыщенных павлинов.

Мне все труднее найти ответ на серьезнейший вопрос: зачем такие иерархи вообще нужны? Если целые общины и тем более отдельные верующие могут жить, никогда с ними не пересекаясь, не чувствуя на себе их влияние, то зачем они нужны? Что они положительного производят? Каков результат их жизнедеятельности и труда? Что это за социальный или религиозный или какой-то еще эффект? И сколько все это стоит? И стоит ли тех денег, что идут на обслуживание иерархии?

Даже плохой светский чиновник хотя бы говорит, что живет на чужие деньги. Как-то он объясняет свою нужность и работу, старается производить хоть подобие полезных для людей услуг, упорядочивать жизнь вокруг, благоустраивать ее... Или что-то подобное. Но церковная иерархия в большинстве своем ничего такого не говорит и просто проедает немалые деньги, в том числе деньги простых и даже нищих прихожан.

Церковноначалие живет за счет простых людей. Даже если это деньги того или иного олигарха. Но в отличие от светских коллег власть епископата безгранична. А зона ответственности не определена и часто слишком декларативна.

У простых людей полностью отсутствуют критерии оценки эффективности церковноначалия.

Нет никаких законов и норм, регулирующих реальные дела церковноначалия (полезные для верующих) и их отношение к простым людям. Скажем, никто не знает, что конкретно должен делать епископ, возглавляя епархию. Как простому верующему узнать его функционал? И как узнать стоимость? Как понять, за что конкретно епископ отвечает? Как проверить его эффективность? Как узнать, на что по работе епископ тратит деньги?

Кто-то, наверное, скажет, что есть богословское объяснение смысла существования иерархии. И будет прав. Кто-то скажет, что иерархическая структура есть везде. И тоже будет прав. Кто-то скажет, что среди иерархов есть святые люди. И снова будет прав. Но спрашиваю я не о смысле самого явления, а о том, зачем

иерархическая система именно такова, какой мы ее видим? Я недоумеваю о количестве иерархов, о конкретной модели управления и о качестве этих иерархов. Понятно же, что никакое богословское объяснение не предписывает иметь столь громоздкую, столь оторванную от жизни, столь неэффективную структуру.

Если где-то нужен врач, из этого никак не следует, что там нужна группа умничающих недоучек-управленцев. Вопрос всегда о соотношении «цена и качество». И в отношении к церковной иерархии оно явно в минус. Причем, насколько я могу судить, православие, вообще таковое. И константинопольское, и русское, и иное. Никто не может нормально объяснить смысл дорогостоящей неэффективной иерархической структуры.

Откровение пандемии

Что показала мне пандемия? Всего за год вскрылось то, о чем нельзя было даже подумать на протяжении сотен лет. Прежде всего, мы получили потрясающее подтверждение, что церковь чуть более, чем полностью, несостоятельна в отношении здоровья людей. Вдруг, в мгновение, в прах превратился весь целительный магизм, приписываемый разного рода священнодействиям. Многолетние уверения о целебности святой воды, масел, икон, мощей, разного рода тряпочек и фетишей и т. п. оказались пустышками. Обесценился чудовищный мегабизнес на святынях!

Сказанное для меня лично — не откровение, а только подтверждение. Но пандемия явила и нечто неожиданное!

Тысячи богословских и благочестивых страниц, весь православный культ с его богослужением, храмами, иконами, предписаниями ходить в храм, обоснованиями богослужебных собраний, важности таинств, церковнославянским языком и т. д. и т. п. — все это, как по щелчку пальцев, в миг было выключено на неопределенный срок. И оказалось, — и это просто потрясающе! — что без этого можно жить. Я не говорю «нужно». Я говорю, что без этого ничего не произошло критического, кроме катастрофического снижения пожертвований от прихожан.

Людям, незнакомым с православием, этого не понять. Все указанное представлялось обязательным, вплетенным в ткань жизни своего рода узором. Невозможно выдернуть узор — ткань разрушится. Такова была многовековая установка! Православный культ для многих людей был самой сущностью христианства. И вдруг вся эта машина поставлена на паузу! Оказалось, это не вплетенный узор, а принт, нанесенный краской на поверхность.

Дальше больше. Рубильник, отключивший верующих от культа (а скорее — культ от верующих), сработал по приказу светских властей! Это еще одно откровение для меня, которое невозможно пропустить. Мы все увидели, как иерархия

струсила, не смогла взять на себя ответственность, легко подчинилась светским властям, показав тем самым полную несостоятельность по действительно серьезным вопросам и полную зависимость церкви от властей. Да, я читал о таком в книгах. Так было на протяжении веков. Но теперь я увидел это своими глазами.

О доверии людям

Есть и еще одна вещь. Господь Иисус Христос говорит ясно о том, как понять и узнать учеников Его: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою», и еще: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного».

Когда-то греческий богослов Христос Яннарас в своей книге «Вера церкви» описал тайну зарождения веры. В моем понимании он, прежде всего, говорил о доверии другим людям. О том, что через доверие им, как бы в кредит, делая должником Бога, мы становимся христианами. Доверие тем, через кого нам является Бог, дает нам основания доверять Богу и делать первые шаги в Его сторону.

И именно через это само Евангелие, этот древний текст чаще всего обретает смысл и становится путеводителем и откровением о Боге.

Конечно, бывает и другое, когда сам Бог столь ясно и ощутимо предстает перед человеком, что их отношения изначально очень личные и очень глубокие. В моей жизни этого не было.

* * *

Наверное, в ответ мне скажут, что церковь — это не все то, что я критикую. Она — заповеданная Христом общность Его учеников с Ним и друг с другом. И я скажу: «Да». Я знаю эту заповедь и очень дорожу ей. И я знаю, что эта заповедь ничего не говорит о той реальной структуре, что сегодня есть.

Когда-то в 1990-е годы я был ревностным православным (что очень хорошо) и много полемизировал с сектантами (так мне тогда виделась некоторые проповедники). Я рьяно доказывал им нужность всего, с чем сам теперь полемизирую. Сегодня я думаю, что Бог послал тех людей России, чтоб изначально поставить главные практические вопросы христианской жизни. Нужно ли все это имперское золоченое, вертикально бетонируемое православие? Зачем столь громоздкий архаичный запутавшийся в себе культ и иерархия, узурпировавшая церковь? Зачем эта мегаструктура потребления? И тогда я и многие из нас, имея уши, не услышали самой сути важных вопросов.

Я очень далек от мысли, что церковь не нужна. Я и не думаю жить вне церкви. Она — мой дом. Но я точно знаю, что Иисус Христос именно такую церковь, которую я вижу сегодня, не заповедовал.

**ВИНОГРАДОВ
МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ**

политолог, президент фонда
«Петербургская политика»

О ВЗАИМНЫХ ИНТЕРЕСАХ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Взаимоотождествление церкви и государства, конечно, не приводит к их срастанию и слиянию. У церкви имеется значительная автономия даже в «скрепных» вопросах вроде Крыма. Она является частью властной вертикали в большей степени, чем Конституционный суд или Центральный банк. Возможности оперативного вмешательства государства в церковные дела ограничены, ей удалось даже избежать резонансных арестов в своих рядах. Церковь можно сравнить с Олимпийским комитетом или Российским футбольным союзом — международные правила запрещают участие государства в этих вопросах, а в реальности получается чуть иначе.

Взаимные интересы здесь понятны. У власти существует проблема с позитивным идеалом, за который она бьется, как Хрущев за коммунизм. Концепции суверенного чучхе или ядерного рая к таким идеалам не отнесешь, а потребность убеждать себя в том, что ты движешь себя и других к чему-то хорошему и правильному, вполне понятна. Присоединение к церкви позволяет (хотя и отнюдь не до конца) создать ощущение такого идеала. Кроме того, можно по-разному оценивать число православных в России (обычно его завышают), но государству комфортнее видеть их союзниками, а не врагами режима.

Что касается РПЦ, то, упустив исторический шанс — рост интереса к религии во время празднования тысячелетия Крещения Руси в конце 1980-х годов, она естественным образом оказалась заинтересована в административном содействии, чтобы не снизить свой статус до одной из многочисленных конфессий, пусть даже первой среди равных. Не то чтобы отношение православных в России к власти и к Богу тождественно, но в нем есть много общего — и они точно не находятся

сегодня в оппозиции друг к другу. Это позволяет церкви компенсировать скрытое подозрение в нехватке конкурентоспособности по сравнению как с другими конфессиями, так и с агностиками. Возможности преодоления низкой религиозности в России ограничены, но союз церкви с государством позволяет избежать публичного признания этого факта. Ведь такое признание привело бы к понижению административного статуса РПЦ — как это случилось бы с Федерацией независимых профсоюзов России, если бы кто-то вслух признал, что никакого интереса к работе профсоюзов и тем более доверия к ним российские работники не испытывают. Церковь не то чтобы занимает нишу КПСС в части идеологии, но никому особенно не препятствует подозревать ее именно в этом.

**ИВАНОВА
ОКСАНА ВИТАЛЬЕВНА**

православный политик и общественный деятель,
Екатеринбург*

ЦЕРКОВЬ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА И СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Участие церковных людей в политике было заметным явлением в начале XX века, когда духовенство активно принимало участие в работе земств, священников избирали в Государственную Думу, было огромное количество обществ, комитетов, в том числе и женских. Братства и сестричества. Все это цветение по большей части трагически закончилось в 1917 году. Но православная традиция способна восстанавливаться, что, на мой взгляд, стремительно происходит на наших глазах. Перестав быть государственной, Церковь ищет свое место в обществе и пытается самостоятельно выстраивать диалог с ним. Православная общественность сначала осознала себя именно как общественность, потом поняла, что не хватает консолидации и влияния, благодаря соцсетям процесс приобрел определенный масштаб. Поиск единомышленников внутри Церкви перестал быть сложным и трудоемким, политически равнодушным верующим есть где общаться и искать союзников. С другой стороны, миссионерская традиция Русской Церкви никогда не отвергала диалог с властной элитой, а чтобы его вести, нужен статус. Активность почитателей Николая II и любовь народа к массовым крестным ходам периодически показывают общественное влияние православия. Помимо этого, есть тайная или явная поддержка гражданской активности верующих со стороны епископата, который

* В 2021 г. Оксана Иванова баллотировалась в городскую думу Екатеринбурга от партии «Справедливая Россия», открыто позиционировала себя как православного политика, выступающего за христианские ценности в политике и в защиту интересов РПЦ. Как историк она долгое время исследовала архивы жертв политических репрессий на Урале. Стала известна после того, как публично поддержала Екатеринбургскую митрополию в скандале вокруг строительства храма в центре Екатеринбурга и в конфликте с последователями бывшего схигумена Сергея Романова.

разумно хотел бы иметь ориентированную на иерархию и независимую от государства общественную силу, лояльную Церкви. Плюс желание образованной части Церкви преодолеть наследие советского режима, загнавшего верующих в храмы и не выпускавшего их в общественное поле. Таким образом, традиция общественного влияния Церкви начала XX века, движение самоорганизации снизу и желание независимости Церкви сверху создало прекрасную базу для усиления церковно-политического влияния в публичном пространстве.

Православный политик может создать прогрессивную христианскую силу, сделать ценности мира, любви, свободы, сострадания и братолюбия социально признанными и привлекательными для наших современников и, главное, для наших детей. Это те ценности, которые тысячу лет лежали в основе нашей государственности и помогли нам создать великую и счастливую страну. Нужно их вернуть на это место. Если православный политик сможет объединить людей с активной жизненной позицией, тех, кто верит в силу и действенность христианских ценностей, строит на них свою жизнь, он направит накопившийся потенциал оппозиционности в позитивное и созидательное русло, а не в унылое и разрушительное.

Будучи всегда источником новаций, христианство и сегодня является центром притяжения не только для активных верующих. Как понятный и достойный идеал жизни по совести, христианское мировоззрение имеет широкую поддержку среди граждан. Всех сочувствующих можно рассматривать как самостоятельную политическую силу, готовую к диалогу как с властью, так и с оппозицией. Эта сила способна консолидировать усилия на основе учета мнений и интересов самых широких слоев современного российского общества, всех, кто разделяет общечеловеческие ценности.

Важно научиться успешно отстаивать свои ценности в борьбе идей и политических практик, использовать для этого демократические инструменты и процедуры. Сейчас в политике царят беспринципность, хищничество, власть денег и угроз. Можно здесь и сейчас внести в политику христианские и, шире, религиозные ценности уважения человеческого достоинства, милосердия и любви к ближним, справедливости, просвещения, дерзновения, творчества и развития.

Этот путь не был и не будет легким. Те, кто доминирует и навязывает обществу свои ценности или их нарочитое отсутствие, не дадут верующим без усилий с нашей стороны занять достойное место в обществе. Этим объясняется некоторый градус напряженности в диалоге различных политических сил, но мы продемонстрировали умение слышать и договариваться, находить общий язык со всеми.

Современное российское православие находится в невероятно творческих и свободных поисках политического действия. Возможно, в такой степени это происходит впервые за тысячу лет.

**ЕПИСКОП
НИКОЛАЙ ДУБИНИН**

титularный епископ Аквы Бизаценской
и вспомогательный епископ Римско-Католической
Архиепархии Матери Божией в Москве

СОЦИАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ В УЧИТЕЛЬСТВЕ ПАПЫ РИМСКОГО ФРАНЦИСКА

От приглашенного редактора номера Романа Лункина

Римско-католическая Архиепархия Божией Матери в Москве включает в себя 63 прихода и 46 других пастырских центра. С 1991 по 1998 год в России действовали апостольские администрации европейской и азиатской частей России, с 1999 года — четыре администрации для католиков латинского обряда Севера и Юга европейской части России, а также Западной Сибири и Дальнего Востока. В 2002 году администрации были преобразованы в четыре епархии, составившие митрополию. Основная социальная деятельность проводится в рамках благотворительной организации «Каритас». Помимо этого, социальные, культурные, молодежные и семейные проекты есть практически в каждом приходе.

Митрополитом провинции является архиепископ Павел Пецци. Вспомогательный епископ Архиепархии Божией Матери в Москве, который отвечает за Северо-Западный регион — епископ Николай Дубинин. Его резиденция находится в Санкт-Петербурге. С 1773 по 1926 год в Петербурге находилась резиденция митрополита Могилевской архиепархии Католической церкви в Российской империи.

Епископ Николай Дубинин стал первым русским католическим епископом в истории католицизма в России. Он родился 27 мая 1973 г. в г. Новошахтинск Ростовской обл. Рукоположен в пресвитеры в Ордене Францисканцев — Братьев Меньших Конвентуальных 24 июня 2000 года.

В 2005—2018 генеральный кустод Российской Кустодии св. Франциска в России Ордена Францисканцев — Братьев Меньших Конвентуальных. В 2005—2020 годы генеральный директор Издательства Францисканцев. В 2009—2020 президент Конференции старших настоятелей и настоятелей институтов посвященной Богу жизни в России (CORSUM). В 2018—2020 настоятель монастыря св. Антония Чудотворца в Санкт-Петербурге. 30 июля 2020 года назначен вспомогательным епископом Архиепархии Божией Матери в Москве, титулярным епископом епархии Вод Бизаценских (Aquaensis in Byzacena). Лицензиат богословия по специальности «пастырская литургика». 4 октября рукоположен в сан епископа архиепископом Павлом Пецци в Кафедральном соборе Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии в Москве.

Суть современного католического учения о роли Церкви в общественной жизни, независимо от географии и типа отношений с государством, можно сжато выразить первой фразой пастырской конституции II Ватиканского собора «*Gaudium et spes*» (Радость и надежда) о Церкви в современном мире:

«Радость и надежда, скорбь и тревога наших современников, особенно бедных и всех страждущих — это также радость и надежда, скорбь и тревога учеников Христа, и нет ничего по-настоящему человеческого, что не находило бы отклика в их сердцах»¹.

Основополагающим для католиков как общины последователей Христа является осознание своей тесной, неразрывной связи с человеческим родом и его историей.

Ярко выраженную и подчеркнутую социальную направленность высказываний и действий можно назвать характерной чертой понтификата Папы Римского Франциска. Он многократно отмечал, что социальное мышление Католической Церкви выдержано в положительном и предметном ключе, оно «направляет преобразующее действие и в этом смысле остается для мира знаменем надежды»².

Основополагающие мысли относительно роли христиан в гражданском обществе и о религиозно мотивированном волонтерстве Папа Франциск подробно рассматривает в двух своих вероучительных документах: апостольском обращении *Evangelii gaudium* («Радость Евангелия») о возвещении Евангелия в современном мире (2013) и энциклике *Fratelli tutti* («Все — братья») о братстве и социальной дружбе (2020).

¹ II Ватиканский собор. Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et spes*, ст. 1. // Документы II Ватиканского собора. М.: Паолине, 1998. С. 377.

² Франциск. Апостольское обращение *Evangelii gaudium*. М.: Издательство Францисканцев, 2014. С. 87 (п. 183).

Забота об общем благе общества и содействие ему лежат в компетенции, прежде всего, государства. Справедливый порядок общества и государства следует рассматривать как главную задачу политики:

«На основании принципов субсидиарности и солидарности, всячески содействуя политическому диалогу и достижению консенсуса, государство, добиваясь целостного развития всех, играет фундаментальную роль, которую нельзя переложить на кого-то еще. Эта роль в нынешних условиях требует глубокого социального смирения»³.

Вместе с тем понтифик подчеркивает, что в общественной и социальной сферах Церковь не может и не должна быть сторонней наблюдательницей. Все христиане — как пастыри, так и миряне — призваны заботиться о построении лучшего мира. Поэтому Папа Римский обращает внимание на необходимость переоценить все, что относится к социальному порядку и достижению общего блага:

«Мы больше не можем утверждать, что религия должна ограничиваться частной сферой, что она нужна лишь для подготовки душ к небу. Мы знаем, что Богу угодно счастье людей и на этой земле <...>. Итак, никто не может заставить нас отодвинуть религию в тайную интимную сторону личности, полностью отказаться от влияния на социальную и национальную жизнь, не беспокоиться о здоровье институтов гражданского общества, не высказываться о событиях, интересующих граждан. <...> Подлинная вера — ни в коем случае не удобная и индивидуалистская — всегда вызывает глубокое желание изменить мир, прививать ценности, устремления, чтобы после нашего ухода на земле осталось нечто лучшее. Мы любим прекрасную планету, куда поместил нас Бог, и любим населяющее ее человечество со всеми его трагедиями и усталостью, жаждой и надеждами, ценностями и слабостями. Земля — наш общий дом, и все мы — братья»⁴.

Для Франциска важен и актуален образ Церкви как общины миссионеров — учеников Христа. Члены такой общины берут на себя инициативу, делая первые шаги навстречу другим людям, выходя на периферии общества, устремляясь к сложным жизненным ситуациям. Эта община живет неутолимимым желанием оказать милосердие. Для верующих во Христа очевидно: Господь Иисус, омывший ноги апостолам и вставший для этого на колени перед ними, Сам включается в действие и привлекает к действию Своих учеников. Поэтому христианская община «раз-

³ Франциск. Апостольское обращение *Evangelii gaudium*. М.: Издательство Францисканцев, 2014. С. 150–151 (п. 240).

⁴ Там же. С. 86 (п. 182–183).

вивается благодаря делам и поступкам в повседневной жизни других, сокращает расстояния, терпит унижение, если необходимо, и приобретает человеческую жизнь, прикасаясь к страдающему в народе телу Христа». То есть эта община сопутствует человечеству во всех испытаниях, как бы трудны и продолжительны они ни были⁵. Во всем мире Католическая Церковь трудится совместно с другими христианскими конфессиями в социальной сфере — как на уровне доктринальных размышлений, так и на практическом уровне.

В диалоге с государством и обществом Церковь не располагает решениями всех частных вопросов. Однако вместе с разными социальными силами она поддерживает предложения, наилучшим образом отвечающие достоинству человеческой личности и общему благу. Поступая так, Церковь всегда с ясностью предлагает основополагающие ценности человеческого бытия, прививая убеждения, которые позже могут воплотиться в политических действиях⁶.

Все обязательства, вытекающие из социального учения Церкви, восходят к любви к Богу и ближнему; в этой любви, по учению Иисуса, заключен весь закон⁷. Эта любовь является и основой, и фундаментальным объяснением для любого религиозно мотивированного бескорыстного социального действия. При этом смысл таких действий не в том, чтобы навязывать собственные доктрины, вести словесные баталии или стараться привлечь в собственные ряды новых адептов, но в том, чтобы через милосердные человеческие действия передавать миру любовь Божью⁸. Служение милосердия является не только составляющей измерения миссии Церкви, но и обязательным выражением самой ее сути. Церковь по своей природе имеет миссионерский характер, вследствие чего из этой природы неизбежно проистекает действенное милосердие к ближнему, сострадание, способное понять, помочь, поддержать⁹.

Христианская любовь, выражаемая конкретными жестами заботы друг о друге, — это также любовь гражданская и политическая, и она проявляется во всех действиях, которые направлены на созидание лучшего мира. «Поэтому любовь бывает не только в тесных и близких отношениях, но и в „макроотношениях: социальных, экономических, политических“»¹⁰, — утверждает Папа Франциск.

Данный тезис приобретает особую актуальность и выразительность в контексте этих дней, когда неожиданно разразившаяся пандемия пролила свет на иллюзорность нашей безопасности: «очевидна стала наша неспособность действовать

⁵ Франциск. Апостольское обращение *Evangelii gaudium*. М.: Издательство Францисканцев, 2014. С. 17 (п. 24).

⁶ Там же. С. 115 (п. 240–241).

⁷ Франциск. *Fratelli tutti*. М.: Издательство Францисканцев, 2021. С. 96 (п. 181).

⁸ Там же. С. 6 (п. 4).

⁹ Там же. С. 120 (п. 179).

¹⁰ Там же. С. 122 (п. 180).

вместе. Хотя мы так тесно связаны, обнаружилась разобщенность, затруднившая решение проблем, которые касаются нас всех»¹¹. Такому положению дел понтифик дает определение «разбитые мечты». Действительно, десятилетиями казалось, что мир извлек уроки из многочисленных войн и провалов и медленно продвигается к примирению, сближению и интеграции.

«Но история словно повернула вспять, — констатирует Папа Римский. — Вспыхивают анахроничные конфликты, которые считались улаженными, возрождается национализм — замкнутый, озлобленный, обидчивый и агрессивный. В разных странах идея народного и национального единства с идеологической пропиткой порождает новые формы эгоизма и ведет к утрате социального чувства под маской защиты национальных интересов»¹².

Плодом глубоких разочарований, которые следуют за иллюзией, является удобное, холодное и глобальное равнодушие, а также цинизм, ведущие к изоляции, замкнутости в себе и собственных интересах¹³. Ощущение принадлежности к единому человечеству в современном мире ослаблено, а идея совместного созидания справедливости и мира оценивается зачастую как устаревшая утопия. «Мир движется без общего маршрута, и увеличивается расстояние между навязчивым стремлением к собственному благополучию и совместным счастьем человечества, словно между индивидом и человеческим сообществом зияет и ширится расселина»¹⁴. Разрушение основ общественной жизни приводит к тому, что люди становятся склонны ополчаться друг против друга ради защиты собственных интересов¹⁵.

Пандемию коронавируса Папа называет глобальной трагедией, которая «действительно на время заставила нас осознать, что мы, мировое сообщество, плывем в одной лодке, и если плохо одному — страдают все. Мы вспомнили, что никто не спасается в одиночку, что спастись можно только вместе. <...> буря срывает маску с нашей уязвимости и обличает ложную и поверхностную уверенность, с какой мы выстраивали свою повестку, свои планы, привычки и приоритеты. Буря смыла грим стереотипов, какими мы маскировали свое „эго“, вечно озабоченное собственным имиджем, и снова нам открылось благословенное осознание того, что все мы друг другу братья, и никуда от этого не деться»¹⁶.

¹¹ Франциск. *Fratelli tutti*. М.: Издательство Францисканцев, 2021. С. 10 (п. 7).

¹² Там же. С. 15 (п. 11).

¹³ Там же. С. 26 (п. 30).

¹⁴ Там же. С. 27 (п. 31).

¹⁵ Там же. С. 98 (п. 113).

¹⁶ Там же. С. 28 (п. 32).

Для христиан все это — не повод для отчаяния, ибо для верующих во Христа не существует безнадежных ситуаций. Папа призывает не только верующих Католической Церкви, но и всех людей смотреть на каждый день, как на новую возможность, новый этап.

«Мы не должны ожидать всего от тех, кто нами управляет, это инфантильно, — пишет он. — У нас есть зона совместной ответственности, где можно запускать новые процессы и вносить изменения. Мы должны активно участвовать в восстановлении раненых обществ и оказывать им поддержку. Сегодня у нас есть великая возможность повести себя по-братски, быть добрыми самарянами¹⁷, которые берут на себя боль поражений вместо разжигания ненависти и обид»¹⁸.

Современное общество крайне нуждается в тех, кто желает бескорыстно, чисто и просто помочь, кто неутомимо готов включать в общение, интегрировать, поднимать обессиленных и упавших. Никто не обречен на то, чтобы подражать тем, кто «строит большие планы только для себя и сеет смятение и ложь». С убежденностью Франциск восклицает: «Пусть себе другие смотрят на политику и экономику, как на площадку для своих игр во власть. А мы будем поддерживать доброе и служить добру»¹⁹.

Добро, как и любовь, справедливость и солидарность, не достигаются раз и навсегда; их нужно завоевывать каждый день. Каждое поколение должно само стремиться к добру и одерживать победы прежних поколений, только ставя более высокие цели. «Невозможно довольствоваться уже достигнутым в прошлом и останавливаться, и почивать на лаврах, не думая о том, что многие наши братья все еще страдают от несправедливости — и это касается нас всех»²⁰. Необходимо выходить навстречу другим и брать на себя свою ответственность, «не боясь боли и бессилия, потому что в этом — все доброе, что Бог посеял в человеческом сердце. Трудности, которые кажутся огромными, — это возможности для роста, а не оправдание бессильной печали, склоняющей к поражению»²¹. При этом очень важно действовать не в одиночку, а сообщая: «<...> мы должны звать к себе людей, встречаться: „мы“ сильнее суммы маленьких индивидуальностей; будем помнить, что целое больше частей и даже больше их простой суммы. Отвергнем мелочную обиду бесплодных узких интересов, бесконечных противостояний.

¹⁷ Добрый самарянин — герой притчи, рассказанной Иисусом законнику, чтобы показать правильное значение слова «ближний» для христианина (см. Евангелие от Луки, 10:25–37); такое название стало нарицательным для обозначения доброго и бескорыстного человека, готового помогать каждому, кто попадает в беду.

¹⁸ Франциск. *Fratelli tutti*. М.: Издательство Францисканцев, 2021. С. 70 (п. 77).

¹⁹ Там же. С. 71 (п. 78).

²⁰ Там же. С. 15 (п. 11).

²¹ Там же. С. 72 (п. 79).

Перестанем скрывать боль потерь и возьмем на себя ответственность за свои преступления, апатию, ложь. Целительное примирение поставит нас на ноги, избавит от страха и нас самих, и других»²². Каждое общество должно не только стремиться к общему благу, но и заботиться «о передаче ценностей своим потомкам, иначе им достанутся эгоизм, насилие, коррупция в самых разных проявлениях, равнодушие — то есть жизнь <...> в окопах индивидуальных интересов».

Папа Римский обращает ко всем людям, независимо от их вероисповедания и места проживания, призыв повернуться лицом к добру ради себя самих и всего человечества, и вместе определить как цель подлинный и целостный рост. В высказываниях понтифика звучат надежда и уверенность в том, что признание достоинства каждого человека и возрождение стремления к духу братства в обществе — это не просто идеал или мечта, а вполне возможное общее направление: «единое человечество, путники из одной плоти, дети одной земли, где все мы живем, и каждый богат своей верой или своими убеждениями, у каждого свой голос, и все — братья»²³.

²² Франциск. *Fratelli tutti*. М.: Издательство Францисканцев, 2021. С. 72 (п. 79).

²³ Там же. С. 7 (п. 8).

**МУХЕТДИНОВ
ДАМИР ВАИСОВИЧ**

первый заместитель председателя
Духовного управления мусульман РФ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИСЛАМА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

От приглашенного редактора номера Романа Лункина

Ислам в России представлен несколькими объединениями. Это Центральное духовное управление мусульман России, Духовное управление мусульман РФ и Духовное собрание мусульман России. Помимо этого, существуют фактически независимые региональные муфтияты, оказывающие влияние на развитие мусульманской жизни и за пределами своих регионов. Это, к примеру, духовные управления в Татарстане и Дагестане. Пестрая структура российского ислама накладывается также на многообразие этнических групп. Практически во всех регионах России есть верующие с Северного Кавказа, из Центральной Азии, шииты, как правило, из Азербайджана. Самым распространенным в Поволжье и в Центре России, на Урале и Сибири является татарский ислам. Мусульманские общины, как и все остальные религиозные объединения, активно занимаются социальной работой, в том числе налаживается служение среди иммигрантов. Исламское религиозное образование по уровню не уступает православному. Рост общин в самых разных субъектах РФ приводит и к появлению проблем со строительством мечетей и выделением земли под них, а на федеральном уровне исламские лидеры периодически высказывают претензии по поводу большого влияния Русской православной церкви и преференций, которые ей дает государственная власть, тогда как мусульмане не получают разрешения открыть мечети там, где они хотят. Недовольство исламских лидеров часто связано также с отсутствием межрелигиозного диалога в регионах и на федеральном уровне. Все эти проблемы становятся факторами политизации мусульманского сообщества России.

Сразу обозначу ключевое для дальнейшего размышления различие — различие *политического* и *политики*. *Политическое* (*political*) — это пространство потенциальной конфронтации или же потенциального согласия с другими об общем благе, сфера состязания в практических добродетелях, «агона» (др. греч. — борьбы). Это не *политика* (*politics*) в узком смысле слова, которая сводится к продуманной реализации управленческой стратегии. Политическое не ограничивается административной практикой, то есть защитой статус-кво, апологией установленного порядка и поддержанием привычной системы внутренних и внешних отношений. Оно неотделимо от этического, то есть от ценностного *выбора*, твердого намерения и бремени ответственности.

В исламской перспективе политическое определяется как сфера реализации «шура» (араб. консультации, совещания, всестороннего обсуждения) — говоря языком современной политической теории — процесса делиберации (лат. *deliberatio* — обсуждение). Очевидно, что там, где не допускается публичное обсуждение, возникает либо насильственное подавление, либо некритическое следование негласной норме. Обсуждение принадлежит пространству, где отсутствует возможность обосновать какой-либо порядок предельным религиозным авторитетом. Об этом сказано в известном хадисе: «*Вы лучше посвящены в дела жизни вашей*». Мы видим, что Пророк (мир ему!) открыто признавал существование поля дискуссионных реалий, освобожденных от регуляции однозначными сакральными предписаниями. Как раз оно и становится измерением потенциальной политизации — областью зарождения многообразия политических ориентиров и идентичностей.

Однако религиозное видение продолжает определять ценностный горизонт деятельности для множества групп и индивидов, а потому неизбежно сохраняет влияние на политику. Это касается не только ислама, но и других религий. В свете трагической истории политического злоупотребления именем ислама, когда тот превращался исключительно в инструмент легитимации *политики* отдельной партии или группы интересов, обсуждение отношений ислама и политического измерения представляется особенно болезненным. Оно же наталкивается на стойкие предрасудки, вызванные таким неопределенным понятийным образованием, как «политический ислам». То, что обычно понимают под «политическим исламом», лишь одна из возможных и довольно узких трактовок взаимосвязи ислама и политического. В одной из последних работ «*Российское мусульманство: в поисках политической субъектности*» (ИД «Медина», 2021) я анализирую политическое измерение жизни мусульман, которое не устраняется воплощением идеи светского государства или же запретом религиозных партий. Проще говоря, я исхожу из того, что

разумный отказ отождествлять религию с частной политической программой еще не отменяет вопрос о религиозном участии в политической сфере *par excellence*.

Российские мусульмане — наследники богатой культуры, в том числе культуры политической. Если их не поражает болезнь «гражданской апатии», то они стремятся к тому, чтобы обогатить совместную гражданскую жизнь собственным наследием. Переосмысление имеющихся горизонтальных культурных связей и выявление потенциальных точек эффективного взаимодействия наследников разных духовных традиций формируют неповторимый цивилизационный облик России. Горизонтальные культурные связи требуют включения в общую историю, исторического «углубления» к моменту зарождения сложной исторической общности, из которой они вырастают. Проще говоря, они требуют создания более «инклюзивных» и адекватных исторических нарративов. Этому мешают ограниченные представления о религиозной и культурно-исторической идентичности сограждан, невежественные предрассудки по отношению к определенной группе идентичности. Группы, качества которых идентифицируются извне доминирующей группой идентичности, нередко становятся заложниками непластичного и стремительно устаревающего «культурного канона», отводящего им весьма ограниченное место в совместном пространстве дискуссионных реалий и общем деле создания будущего политического сообщества.

Мы обычно не познаем особого образа мысли, который та или иная группа идентичности способна нам подарить. Мы познаем прежде всего расхожий искаженный образ этой группы, определяющий нашу достаточно непродуктивную привычную стратегию взаимодействия с ней. Именно в такой ситуации идентичность может получить политическое значение — если ее носители решатся на «субъективацию» поверх всех готовых и приложенных к ним идентификаций, содержащихся в «культурном каноне». Политическая субъектность складывается ровно в тот момент, когда конкретная группа преодолевает господство застывших в общественном сознании репрезентаций ее идентичностных характеристик. Группа, наделенная политической субъектностью, открыто заявляет о своем присутствии в поле публичной дискуссии и о праве активно переопределять свой образ.

Возвышая самостоятельный голос в качестве обладателей политической воли и ответственности, мусульмане вовсе не намереваются отказываться от участия в коллективном проекте всего российского общества. Напротив, пытаются донести свое мнение по тому или иному вопросу, представляющему общий интерес, до носителей иной религиозной и культурно-исторической группы, российские мусульмане стремятся к более вовлеченному и сознательному участию в политическом процессе. Согласование «идентичностных» требований, переводимых в ходе публичного обсуждения на язык «общих интересов», особых этнорелигиоз-

ных и культурных групп с их участием в коллективном проекте вовсе не дробит политическое сообщество, а лишь укрепляет его. Все точки расхождения должны быть публично обозначены для того, чтобы ясно очертить траектории возможного согласия — согласия разных. В таком случае носители различных религиозных идентичностей будут менее склонны отождествлять свое фактическое различие с достаточной причиной для политического раскола. Таким образом, доверие к политическим инициативам российских мусульман, готовность видеть в них равноправных участников общественного диалога может лишь поспособствовать общему осознанию нераздельности исторических судеб различных наследников российской культуры. Действуя политически, мусульмане России стремятся не столько обратить инаковерующих сограждан в ислам, сколько сделать сокровища исламской традиции общим достоянием, извлечь из них универсальное содержание, понятное носителям иной религиозной идентичности.

Политический долг верующего, в частности долг мусульманина, заключается в чем-то принципиально ином, нежели воплощение религиозно предписанной программы действий. Политическое всегда останется местом спора, сомнений, местом согласия разных, смирения или возвышения страстей, местом, где значимы доводы и различия во вкусах и ценностях. И кораническое послание признает позитивный смысл такого разнообразия:

«Если бы Аллах пожелал, то сделал бы вас одной общиной, но (Его замысел в том), чтобы разделить вас и испытать тем, что Он даровал вам. Состязайтесь же в добрых делах. Всем вам предстоит вернуться к Аллаху, и Он поведаст вам о том, о чем вы спорите» (К. 5: 48).

Публичное обсуждение может закончиться для сообщества как обострением враждебности либо застоєм, так и новым продуктивным этапом в развитии. В этом смысле — в смысле состязания в благом — политическое касается каждого во всех возможных отношениях. Оно образует неотъемлемое измерение человеческого существования. Отсюда становится вполне понятной и та ревность, с которой «профессиональные политики» отстаивают трактовку политического поля как сферы их привилегированного доступа. «Профессиональные политики» бегут от понимания, что деятельное утверждение ценностей в общезначимом поступке, то есть осуществление собственной свободы, невозможно кому-либо передоверить.

Выдающийся французский политический мыслитель Алексис де Токвиль (1805—1859) еще в середине XIX века высказал предостережение от так называемого нового деспотизма, когда политическая жизнь гражданина сводится лишь к периодическому участию в ритуальном голосовании. В «новом деспотизме» право

на защиту человеческой свободы от произвольного доминирования со стороны отдельных групп и индивидов присваивает немногочисленная корпорация «экспертов от политики». Самый прискорбный социальный эффект, который производят режимы, тяготеющие к «новому деспотизму», это упомянутая «гражданская апатия», то есть отсутствие чувства связанности с другими членами сообщества в определении совместной судьбы. При «новом деспотизме» люди отделены институционально и ментально (как минимум, посредством пропаганды) от совместного участия в формировании общей судьбы — порядка, призванного служить защите их свободы и достоинства.

Всестороннее воспитание гражданской идентичности в российских мусульманах невозможно без готовности трансформировать существующий «культурный канон» и признать их самостоятельную политическую роль именно в качестве мусульман. Невозможно оно и без трансформации общей политической культуры, рассматривающей политические вопросы — как прерогативу политиков, а не задачу широкого политического участия (индивидуального и группового) всех граждан государства во всей их «идентичностной» уникальности. Я имею в виду, что в роли российских граждан мусульмане совсем не обязаны отвергать собственную религиозную принадлежность и историческую традицию — скорее, они должны иметь возможность представить их универсальное содержание. Иначе говоря, они призваны раскрыть эту традицию и духовные ценности ислама таким образом, чтобы сделать их предметом открытого публичного обсуждения и потенциальным источником благотворных изменений всего российского политического сообщества. Переход российских мусульман из разряда политических объектов в разряд политических субъектов расширяет, в свою очередь, идейно-практические горизонты «многооставного» российского политического субъекта в целом.

**ГУРЕВИЧ
ААРОН ЮРЬЕВИЧ**

глава департамента Федерации еврейских общин России по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями, главный военный раввин России

РОЛЬ РЕЛИГИИ В ПОЛИТИКЕ И В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

От автора

Для иудаизма в современной России характерно доминирование ортодоксальных кругов, структурированных в Федерацию еврейских общин России и Конгресс еврейских религиозных организаций и объединений в России (при этом Федерация еврейских общин России сохраняет ключевую позицию основной платформы по восстановлению диаспоры). Усилия раввината и поддержка со стороны государственной власти способствовали началу процесса длительного возрождения еврейской культуры и традиций, утраченных за годы репрессий советской власти. Как некий феномен стоит отметить крайне слабые позиции реформированного иудаизма, так и не продемонстрировавшего за последние три десятилетия существенной активности и широко представленного разве что в США. Возможно, это объясняется трендом ортодоксальных общин, взятым на открытость и доступность для далеких от религии евреев. С другой стороны, немаловажным фактором является также и здоровый консерватизм в сознании постсоветских евреев, которым все же ближе традиционные ценности, а строгость иудейских канонов воспринимается с уважением.

Общество постепенно подошло к осознанию того, что даже в капиталистической системе координат вновь велика потребность в идеологической составляющей.

Ранее религиозные традиции служили в чем-то подпоркой как для становления экономики, так и для регулирования стабильности, законопослушности граждан. Казалось бы, роль религии должна была сильно редуцироваться под давлением секуляризации и мощи экономических систем либерального общества.

На примере усиливающихся позиций ислама в странах третьего мира и «новых христианских правых» в Америке понятно, что это не так. В последнем случае проявляется серьезный крен в сторону переосмысления в современном мире самой сути фундамента иудео-христианской цивилизации — основ учения авраамических религий. И как результат — усиление влияния религиозных партий, их проникновение во все социальные сферы.

В российском контексте роль религии и в обществе, и в политике неизбежно показывает положительную динамику. Основные тому причины — идеологический кризис после крушения коммунистического режима и антилиберальные позиции, в первую очередь большей части православных. В последней заметна тенденция к усилению правых взглядов на социальные институты.

Один из последних примеров того, насколько сегодня светская власть заинтересована в укреплении традиционных религиозных общин, — значительное ужесточение законодательства в отношении нетрадиционных и иностранного происхождения религиозных объединений.

Религия начинает доминировать в формировании государственной идеологии страны, в фундамент которой вкладываются нравственные семейные ценности, духовная безопасность, ценность российской многонациональной многоукладности, борьба с чуждой по духу культурой.

У государства нет иной альтернативы, как той, что в условиях идеологического вакуума неизбежно приведет к еще более тесному взаимодействию с религиозными общинами и в выработке «национальной идеи», и в пропаганде общих российских ценностей.

В этой связи в контексте внешней политики фактор «Русского мира», то есть огромной достаточно патриотичной русскоговорящей диаспоры, не теряющей своей идентичности, представляется наиболее перспективным для дальнейшего развития, а работа Россотрудничества должна быть более заметной.

Что же касается внутривнутриполитической обстановки в стране, то нужно отметить недооцененность ресурса религиозных организаций в медиации национальных конфликтов, системной работе со студенчеством (клубы, дискуссионные площадки, затрагивание острых социальных вопросов), невнимание к позиции по биотехнологиям и цифровизации.

Вместе с тем быстро увеличивается спектр социальных сфер, где деятельность религиозных организаций все более заметна и оценивается государством как социально полезная. И это тоже неизбежный процесс, в котором деятельность светских общественных некоммерческих организаций все более подпадает под влияние как самих религиозных структур, так и их убеждений.

**СЕВАСТ'ЯНОВ
ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ**

предприниматель,
председатель Всемирного союза староверов

СТАРООБРЯДЧЕСТВО КАК ФЕНОМЕН СВОБОДЫ

От приглашенного редактора номера Романа Лункина

Численность старообрядческих объединений в России составляет чуть более 300. Но это довольно мало говорит о реальной силе и влиянии старой веры — по крайней мере, столько же групп действует без регистрации по всей стране. Студенты и аспиранты гуманитарных вузов интересуются старообрядчеством, а некоторые становятся прихожанами и служителями. Как и во многих исторических церквях, старообрядчество развивается волнообразно: на богослужения ходят в основном дети и старики, молодежь приходит и уходит, интерес в обществе то вспыхивает, то затухает. Постороннему наблюдателю кажется, что это христианское течение умирает, так как на длинных службах один старушки. Но как пошутил один из служителей, «у нас и до революции были бабушки, и сейчас бабушки, и некоторые считают, что это те же самые бабушки». Интерес к исторической традиции старообрядчества постепенно возникает и среди политиков и предпринимателей. В 2016 году при поддержке Администрации Президента РФ была создана рабочая группа по координации межстарообрядческого сотрудничества в сфере отношений с обществом и государством. 31 мая 2017 года состоялся исторический визит президента Владимира Путина в Рогожскую слободу — центр крупнейшего объединения старообрядцев — Русской православной старообрядческой церкви. Впервые глава государства встретился на высоком уровне со старообрядцами у них в гостях, впервые президент поддержал конфессию — конкурента РПЦ. В 2018 году при поддержке властей учрежден Благотворительный Фонд поддержки и содействия старообрядчеству (Древлеправославию) «Правда Русская».

Старообрядчество стало модным феноменом в российской прессе после нескольких встреч президента России В. В. Путина с главой одного из старообрядческих согласий — митрополитом Русской православной старообрядческой церкви Корнилием в 2019 году. Внимание власти к старообрядчеству, скорее всего, обусловлено не интересом к современному его состоянию, которое никак не может вызывать удовлетворение. Кроме того, общий образовательный уровень старообрядческого духовенства ниже уровня духовенства РПЦ и даже других религиозных групп. Численность старообрядчества в силу малообразованности его лидеров невелика и поэтому не может быть предметом интереса политиков в поисках нового электората.

Старообрядчество интересно обществу как особый исторический бренд, несущий в себе особую идеологию, отличающуюся от официального православия и поэтому обладающую оригинальностью. Эта особая идеология показала, в отличие от идеологии официальной церкви, способность к мобилизации гражданина для построения бизнес-ориентированного демократического общества. Именно старообрядчество дало в канун Октябрьской революции 70% всего российского капитала¹, оно стояло в основе российского парламентаризма и конституционных реформ 1905 года. И именно старообрядчество сформулировало концепт религиозной свободы и пролоббировало его принцип в 1905 году. Историческому старообрядчеству должны быть благодарны все конфессии России за ту религиозную свободу, которой они пользуются. Конечно, отцы старообрядчества начала XX века посчитали бы, что свобода, которую они отстаивали в 1905 году, оказалась урезанной спустя столетие. Принцип старообрядчества прост: любая вера человека не должна ограничиваться, если она не приносит вред ближнему. Религиозная свобода для старовера является основой как его мотивации к творческому труду, так и организации самого устройства общества. Религия является самым главным мотиватором психологической деятельности человека. Ограничение свободы религии ведет к социальному регрессу. Так было всегда, и XX век не исключение. Феномен исторического старообрядчества должен не только изучаться, но и продвигаться в нашем обществе в качестве основной религиозной традиции России. Старообрядчество — истинное и коренное — доказало в веках, что оно способно мотивировать людей к построению современного ответственного и креативного общества.

¹ «Свобода веры, свобода проповеди — это очень важно для верующего человека». Предстоятель Русской православной старообрядческой церкви митрополит Корнилий ответил на вопросы «Ъ» // «Коммерсантъ». 07.08.2017. № 142/П. С. 4. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3377723>.

ВЕРА И ДЕЛО: ЭТИКА ПРАВОСЛАВНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

БАЛАКИРЕВА СОФЬЯ ОЛЕГОВНА

руководитель направления по работе с экспертами
Центра развития общественного и экспертного капиталов ВЦИОМ

Для многих вера и бизнес — совершенно не пересекающиеся категории. Что послужило изначальным импульсом к созданию Союза православных предпринимателей? Как зародилась сама идея?

ЖУКОВИЧ ВЛАДИСЛАВ КОНСТАНТИНОВИЧ

председатель Союза православных предпринимателей, вице-президент НП «ОПОРА»,
Комитет по ценностно-ориентированному предпринимательству «ОПОРА СОЗИДАНИЕ»

Придя к вере и переосмысляя роль предпринимателя в обществе, я заинтересовался историей купцов и промышленников дореволюционной России. Будучи, как правило, выходцами из обычных крестьян, они занимались благотворительной деятельностью, меценатством, строили больницы, школы, театры, храмы, заводы, фабрики, вкладывались в науку, культуру, искусство. Это была норма: каждый купец так или иначе был причастен к каким-то попечительским советам. Скорее, было ненормальным неучастие в такой деятельности. У нас же сейчас наоборот: если человек начинает заниматься благотворительностью, это что-то подозрительное; наворовал — надо отмыть свою репутацию. Как верующие люди, они исходили из соображений, что все принадлежит Богу, а сами они являются просто управителями того ресурса, который оказался в их распоряжении и которым надо правильно распорядиться. Поэтому они брали от общества и возвращали в общество, не ставя капитал во главу угла, воспринимали свое дело как служение Богу и людям.

Идея, что можно заниматься предпринимательской деятельностью, исходя из своей веры, принципов, ценностей, меня очень вдохновила. Появились единомышленники, мы объединили свои усилия с коллегами из «Опоры России», которые

искали ответ на вопрос о том, существует ли какая-то русская бизнес-модель, основанная на нашем менталитете. Если прийти в обычное деловое сообщество и начать говорить о нравственных дилеммах в бизнесе, коллеги могут не понять: «Вера — отдельно, бизнес — отдельно. Давай не смешивать». Очень важно быть среди единомышленников, не стесняться говорить о том, что волнует, и знать, что тебя поймут и помогут. У нас получилось создать межприходскую общину предпринимателей, которые начинают дружить, вместе создавать какие-то проекты, помогают друг другу, покупают друг у друга товары и услуги. Появляются горизонтальные и вертикальные связи. К нам начали обращаться из других регионов, сейчас сообщества православных предпринимателей существуют в Липецке, Воронеже, Москве, Твери. В этом смысле мы выступаем как площадка для аккумуляции знаний и лучших практик, делимся со всеми, чтобы вести благотворительную деятельность с умом, сообща.

В «Союзе православных предпринимателей» создан попечительский совет священнослужителей, каждый из которых курирует свое направление — это позволяет двигаться синхронно, привлекать новых людей. Создаем условия для духовно-нравственного, делового, личностного, профессионального развития наших членов — к нам приходят священники, эксперты, деятели культуры. Конечно, занимаемся развитием бизнеса. Например, у нас есть «генератор деловых связей», где в экспертном кругу обсуждаем идеи или проблемы, с которыми приходят предприниматели, когда нужно покритиковать и вдохновить, подумать, какими ресурсами можно помочь. Это тоже своего рода служение, когда все тратят свое время ради кого-то одного, помогают ему. Здесь ценно, что это не просто бизнес-сообщество, а общность людей, разделяющих ценности друг друга. «Акулы бизнеса», для которых «ничего личного — только бизнес», тоже могут дать советы — но они просто не впишутся в твои ценности.

Мы стараемся, чтобы сообщество развивалось во всех направлениях, чтобы коллеги из других регионов могли перенимать наш опыт и делиться своим — это помогает создавать обширное сообщество православных предпринимателей, влиять на культуру предпринимательства в России. Потому что сейчас, к сожалению, этика бизнеса отсутствует в предпринимательских кругах.

В дореволюционной России были скрепы, основанные на вере, совести. Если купец давал свое слово, он его держал — иначе и быть не могло. В 1990-е годы активно использовалось выражение, значение которого не вполне понимали: «стереть в порошок». Что означает выражение «стереть в порошок»? Уничтожить репутацию. Один из принципов предпринимателей — выполнение обязательств. Сделки часто заключались без оформления документов — отсюда еще одно выражение: «ударить по рукам». Была распространена «стенная бухгалтерия» — долг

записывали мелом на стене, на грифельной доске и т. п. Если должник не выполнял свои обязательства, не уплачивал деньги в срок, то запись стирали тряпкой — долг прощали. Но репутация у предпринимателя была потеряна — сделки с ним уже не заключали.

Это как раз та философия, которой очень сейчас не хватает. Мы хотим, чтобы наши предприниматели смотрели не на Запад или Восток в поисках успешных примеров, а чтобы они знали нашу историю предпринимательства.

Нынешняя культура предпринимательства в большинстве случаев — это западная модель, но она чужда нам. Я сам обучался по программе MBA: конечно, инструменты, которые дает эта модель образования, можно использовать, но дух предпринимательства там другой, он пропитан финансовой отдачей и приростом капитала, формирует взгляд на предпринимательство только через призму прибыли. Та же КСО — это все равно подход к благотворительности через призму выгоды, с определенными показателями эффективности, KPI. Конечно, на Западе много предпринимателей, чьи поступки мотивированы религиозными убеждениями. Но мы сейчас говорим о системе.

Балакирева С. О.: *Какие примеры Вашей работы, направленной на формирование или, точнее, на восстановление предпринимательской культуры, можно привести?*

Жукович В. К.: В первую очередь необходимо популяризировать саму историю, традиции предпринимательства. У нас есть просветительский проект «Наследие выдающихся предпринимателей России», мы его реализуем через «Опору России». Он направлен на то, чтобы вернуть понятие «выдающийся предприниматель России». Идею уже подхватили 20 регионов. Мы снимаем фильмы, проводим выставки внутри сообщества, устраиваем тематические экскурсии по отраслям. Окунаясь в этот мир, предприниматель открывает для себя смыслы, которыми он может напитывать свою внутреннюю мотивацию.

В этом году мы провели всероссийский конкурс по истории предпринимательства, в котором участвовало более 600 вузов нашей страны. Был выбран лучший курс по истории предпринимательства. Мы считаем очень важным, чтобы эти знания передавались в вузах и, может быть, в старших классах школы в рамках профориентации. Это формирует другой образ предпринимателя — не «малинового пиджака» из 90-х. Мы хотим, чтобы у нас появлялись предприниматели несколько другого уровня, и мы их видим уже сейчас.

Есть еще национальная премия «Бизнес-успех», где выявляются лучшие муниципальные и предпринимательские практики в разных номинациях: лучший сельскохозяйственный проект, лучший молодежный проект, лучший социальный проект.

Мы курируем номинацию «лучший созидательный проект», ищем людей, которые правильно выстраивают свою деятельность, взаимоотношения с заинтересованными сторонами, поддерживают социальные и благотворительные проекты, возрождают традиции своего региона. Тех, у кого есть какая-то бóльшая мотивация, чем деньги. Они не всегда бывают верующими, но это люди с высокими идеалами. Если выявлять и объединять таких созидательных предпринимателей, может быть, со временем сформируется другая культура бизнеса, которая для нас на самом деле совсем не новая — это возвращение к нашим предпринимательским истокам.

Балакирева С. О.: *Встречались ли среди номинантов на лучший созидательный проект люди других конфессий?*

Жукович В. К.: Конечно, есть люди других конфессий, которые тоже выстраивают деятельность согласно своей вере. Мы не создаем смешанных сообществ, потому что надо сначала разобраться хотя бы в своих кругах. Ведь даже наличие одной веры еще не означает, что люди друг друга на 100% понимают и разделяют все принципы. У нас тоже бывают споры. Но мы стараемся искать единый знаменатель, под который можно подвести принципы ведения дел, моменты, по которым мы точно можем договориться.

В перспективе необходим стандарт добровольных моральных установок в деятельности, этика бизнеса. К такому стандарту могут присоединяться все, кто разделяет эти принципы. Тогда потребители, понимая, что какая-то компания следует этическим стандартам, могут быть уверены, что их не обманут, и будут отдавать ей предпочтение. Постепенно начнет меняться предпринимательская и потребительская культура. Конечно, перспектива не близкая, но иного пути нет.

Балакирева С. О.: *Влияет ли религиозный фактор на взаимоотношения бизнеса с государством, с контрольными органами, налоговыми, с местной властью?*

Жукович В. К.: Если бы провести исследование этого специфического сектора внутри малого, среднего и крупного бизнеса и взглянуть на него с точки зрения вклада в экономику России в разных срезах, то, наверное, власти пришли бы к выводу, что нужно создавать преференции для таких компаний. Потому что они действительно по-другому выстраивают свои взаимоотношения с государством — и в плане налогов, и с точки зрения вклада в регион, в котором работают — в силу своих религиозных убеждений. Но сейчас такого диалога нет, и мы не особо к нему стремимся. Если его начать, неизвестно еще, как это будет оценено обществом: могут подумать, что все это делается лишь для того, чтобы выпросить льготы. Все должно идти своим чередом. Рано или поздно, может, обратят внимание.

Если бы государство поддерживало созидательные примеры, наверно, их становилось бы больше. Даже если предприниматель делает добрые дела ради выгоды,

все равно они делают человека по-настоящему счастливым. Часто, достигнув всего, человек понимает, что при всем этом он несчастлив. Это проблема, которая ломает людей — когда они теряют смысл жизни, казалось бы, всего достигнув. Радость умножается делением.

Балакирева С. О.: *Как религиозные взаимоотношения влияют на корпоративную этику компаний?*

Жукович В. К.: Человек, который выстраивает свою деятельность в соответствии с религиозными убеждениями, понимает, что несет ответственность за людей, и она должна проявляться во всем. Предприниматель должен ответить себе на множество вопросов. Как платить людям зарплату? Можешь ли ты себе позволить платить «серую» зарплату, лишая человека определенных возможностей? А если сотрудница ушла в декрет, это повод для радости или грусти? А если человек регулярно допускает ошибки или что-то делает поперек этики — прощать или увольнять? По набору решений, которые принимает руководитель, сотрудники «считывают» стиль его руководства, тоже подстраиваются под этот стиль.

Бывает, православный руководитель активно ведет просветительскую деятельность и бросается в крайности: «все, теперь у нас работают только верующие». Такие предприятия мы называем «бизнес-монастыри». Конечно, если они находят единомышленников, которые готовы работать в таком режиме, — пожалуйста. Но я против подобных резких изменений, когда у тебя уже есть коллектив. Добровольное приобщение к православной культуре дает совершенно другой эффект, и люди, которые даже не знакомы с православием, сталкиваясь с ним, видят его красоту и вдохновляются его смыслами.

**МИХАЙЛОВА
ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА**

кандидат социологических наук,
советник генерального директора ВЦИОМ

РЕЛИГИЯ НА СОЦИАЛЬНОМ БАЛАНСИРЕ

Зона неприкосновенности

Религия и вера, мечеть и церковь, старoverы и шаманы — в течение семи десятилетий в России формировалось специфичное отношение к институту религии и всем связанным с ним атрибутам. Для одних эти пространства так и остались на ментальном уровне запретными и чужими, другие же именно в церкви нашли ответы на волнующие вопросы и возможность для обретения смысла жизни. И в период запретов, и в период популяризации культовые религиозные объекты связывались с неприкосновенностью, строгостью соблюдения правил и особой атмосферой. Не зря посещаемость «намоленных» храмов, не прекращавших функционирование в течение нескольких столетий, многократно выше, чем многочисленных новоделов в возводимых спальных районах. Посещаемость концертов в соборах или церквях всегда выше, чем аналогичных мероприятий на альтернативных концертных площадках — магия места, в котором совершается или совершались ранее таинства (независимо от степени нашей причастности к ним). Это были святыни, которым каждый в той или иной мере чувствовал свою причастность.

Любые действия, входящие в противоречия с нашими представлениями о функционировании института религии, не просто являются нарушением правопорядка — они затрагивают внутреннее, иногда эмоционально не осознаваемое. Покушение на религиозные объекты всегда имеет гораздо большую значимость, чем совершение схожих действий в отношении любых других пространств или объектов (или же, напротив, покушение религиозных группировок на имеющие значимость всемирно известные памятники исторического наследия усиливает

эффекты от совершенного, как это было с уничтожением джихадистами множества бесценных исторических памятников в Пальмире). Любая акция в стенах религиозного учреждения за счет места ее проведения априори имеет более мощный кумулятивный эффект, чем проведенная за ее пределами.

«А так можно было?»

Институт религии традиционно выступал оплотом стабильности, в течение столетий продолжавшим с той или иной степенью эффективности выполнять свои социальные функции. Пандемия стала для него мощным стресс-тестом на устойчивость. Выступление Папы Римского Франциска с торжественным обращением «Граду и миру» (*Urbi et Orbi*) перед пустой площадью в Ватикане в марте 2020 года было посвящено пандемии коронавируса — происходящее в мире сравнивалось с наступившим вечером, когда сгущается тьма. Трансляция стала мощным эмоциональным триггером не только для католиков — служба без присутствия папвы обозначила новую веху в развитии института религии. Был дан старт активному внедрению новых, онлайн-практик коммуникации с прихожанами. Каковы наблюдаемые эффекты? С одной стороны, то, что требовало определенных временных и физических усилий, пространственного перемещения, стало возможно в формате уютного, домашнего, индивидуализированного, сакрального. С другой стороны, институт религии всегда выполнял мощную интегративно-идентификационную функцию, которая реализовывалась в первую очередь посредством совместных обрядовых практик. Именно тяготение данного социального института к сохранению своего равновесия обусловило, например, высокую численность посещавших рождественские и пасхальные службы в храмах.

Но... главный вопрос касается не столько повседневных обрядовых практик и физического возвращения в храмы и мечети. Вопрос, который стоит на повестке дня, — насколько сам факт допустимости смещений (даже краткосрочных) в религиозных обрядовых практиках повлияет на устойчивость этого социального института? Не приведет ли в перспективе совпадение эффектов глобальной цифровизации и пандемических ограничений к упразднению ряда столетиями воспроизводившихся процедур и виртуализации конфессиональных групп (со всеми происходящими из этого функциональными изменениями и информационными рисками)? Но пока тест пройден — тяга к самосохранению, о которой так любил рассуждать Парсонс, оказалась сильнее манящих уютно-виртуальных перспектив (при этом обозначились возможные, уже протестированные векторы для работы с отдельными целевыми группами).

Светскость и религиозность: грани независимости

«Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» — гласит Конституция. И это естественный постулат для многоконфессионального и многонационального государства, которым является наша страна. Тем не менее говорить о полном невмешательстве власти в функционирование института религии было бы не совсем верным. Религиозное мировоззрение формирует социальные нормы, определяет социальные действия, задает вектор развития. Идеология, транслируемая религиозными деятелями, касается вопросов государственной безопасности.

При этом одним из важных эффектов в сфере реализации национальной политики России является выстраивание пространства доверия между представителями разных конфессий. Период настроенного отношения к представителям ислама, характерный для первого десятилетия XXI века, вновь сменился уважением к вере как таковой. Так, уровень доверия православных казаков к мусульманам (как и к представителям других конфессий) гораздо выше, чем к атеистам, неверующим людям — вера воспринимается как основа мировоззрения, показатель надежности человека: «Легче, конечно, с верующим человеком построить отношения мне как казаку, с верующим мусульманином, чем с атеистом, потому что у него есть как бы тоже свои заповеди, он их соблюдает. Тоже есть страх божий» (ФГ, Ставропольский край); «Если неверующий — для меня, например, будет предостережением, потому что верующему больше доверяю» (ФГ, Ингушетия).

Институт религии как субъект социально-экономического развития

Не останавливаясь на коммуникационных и идентификационных аспектах, связанных с функционированием института религии, следует отметить выполнение им важных функций по социализации молодежи: в условиях, когда государство в течение десятилетий не может определиться с подходами к воспитанию молодежи, а скорость разработки стратегических программ в данном направлении существенно уступает динамике изменений в поколенческих когортах, церковь продолжает выступать одним из ключевых субъектов, помогающих семьям в воспитании молодежи. Воскресные школы стали пространствами для творческого развития и образования устойчивых молодежных групп, объединенных общими ценностями. Между семьями, посещающими приходы, образуются тесные связи.

И особую роль играют общины, сохранившие приверженность традициям. «Покажи примером» — принцип, который достаточно точно отражает деятельность староверов, создающих фермерские хозяйства и готовых делиться опытом, способствовать возрождению российского сельского хозяйства, вовлечению в занятие фермерством все большего количества людей. И совсем неожиданно в поиске решений и лучших практик мы приходим в сыроварню Агриппины Егорофф, переехавшей на Дальний Восток из Южной Америки и построившей бизнес с нуля. И мощным помощником на пути к достижению этой цели для нее была вера, передававшаяся из поколения в поколение, позволившая сохранить свою русскую идентичность и с уверенностью смотреть в будущее.

© Александр Дмитриев, специально для СоциоДиггера

ПОДБОРКА ДАННЫХ ВЦИОМ «РЕЛИГИОЗНЫЙ АКТИВИЗМ»

СКАЧАТЬ

БОЛЬШЕ ДАННЫХ В ОТКРЫТЫХ БАЗАХ НА САЙТЕ ВЦИОМ

[«Спутник»](#) (с января 2017 г. по настоящее время)

[«Архивариус»](#) (с 1992 г. по настоящее время)

САЙТ СОЦИОДИГГЕРА. ВСЕ ВЫПУСКИ

SOCIODIGGER.RU

Нам важно ваше мнение о «СоциоДиггере», чтобы сделать следующие выпуски еще более отвечающими вашим интересам. Уделите, пожалуйста, 3 минуты, нажмите кнопку

ДАТЬ ОБРАТНУЮ СВЯЗЬ

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ

Анна Кулешова
главный редактор
и редактор по работе с авторами

Наталья Седова
проектный редактор
и редактор по работе с авторами

Софья Балакирева
работа с экспертами

Яна Гудкова
формирование тематической
подборки данных ВЦИОМ

Анна Кокарева
редактор, корректор

Антон Соляев
верстка

wciom.ru

monitoringjournal.ru

[MOM @ZhurnalMonitoring](#)

[@WCIOMofficial](#)

[@wciom](#)

[@wciom](#)

[@wciompage](#)

[@wciom](#)

[@wciom](#)

[Я.Дзен ВЦИОМ](#)

[Подкасты ВЦИОМ](#)